

Я. А. Пляйс
доктор исторических наук, профессор

С о д е р ж а н и е:

Предисловие.....

Часть 1. О теории внешней политики современной России.

Россия и современный мир.....

К вопросу о новой расстановке сил
в мире и сущности внешнеполитической
доктрины России.....

**О роли идеологии во внешней политике
России в XX веке .....**

Особенности России и ее внешняя политика...

Особенности России и ее государственности как
факторы воздействия на внешнюю политику.....

Основные внешнеполитические
концепции.....

Некоторые идеи о современной внешней
политике России.....

Внешняя политика России в программах
предвыборных блоков, избранных в
Государственную Думу

Часть II. Внешнеполитическая практика новой России.

Зигзаги внешней политики новой России:

**Глава I. Внешняя политика России в период
с осени 1990 г. по декабрь 1993 г. ....**

Начало.....

От августа до декабря 1991г.....

После развала Союза.....

Новые зигзаги.....

Краткие выводы из сказанного .....

**Глава II. Куда двигался
маятник внешней политики России в 1994 г...**

Новые черты внешней политики России после
12 декабря 1993 г.....

Россия-Западная Европа-США: отказ от
"атлантизма" ради "европеизма"?.....

Восточный азимут внешней политики России.....

Россия и ближнее зарубежье.....

Новые взаимоотношения МИДа с парламентом
России.....

Некоторые итоги 1994 года и перспективы
внешней политики России.....

П о с л е с л о в и е.....

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Книга *"Россия и мир на пороге XXI века. Актуальные проблемы современной внешней политики России"* представляет собой часть исследования о внешней политике новой России, о ее роли и месте в современном мире. Работа задумывалась как пособие к лекциям, читаемым по внешнеполитическому разделу курса политологии.

Приступая к разработке такой обширной и сложной темы, как современная внешняя политика России, я исходил прежде всего из того, что эта сфера деятельности нашей страны претерпела за последние годы коренные изменения, которые еще продолжаются и нуждаются в основательном осмыслении и обобщении.

Оправданный отказ от тоталитарной коммунистической системы и устаревших принципов взаимоотношений с внешним миром, начавшийся в СССР в конце 80-х годов, привел нас к глубокому идейному и концептуальному кризису, большим трудностям на многих конкретных направлениях внешнеполитической практики.

Сразу же после обретения Россией своего суверенитета внешней политике СССР давались резко критические оценки. Особенно "доставалось" ее идеологическим основам и принципам. Но прошло не так уж много времени, как в речах и заявлениях руководителей государства и МИДа появились сначала новые нотки, а затем и новые принципиальные положения.

С чем связана такая трансформация взглядов? Судя по всему, с тем, что по мере накопления опыта новое руководство России убеждалось в следующем выводе: советская внешняя политика строилась не только в соответствии с требованиями господствующей идеологии, но была в определенной мере прагматичной (особенно на некоторых направлениях) и, как правило, учитывала международные реалии, расстановку и соотношение сил в мире, долговременные национальные и государственные интересы и т.д. Будучи таковой, она не могла не быть современной и даже относительно эффективной, особенно на некоторых направлениях.

Накопление опыта, осознание собственных и чужих интересов (особенно после августа 1991 г.) достаточно быстро привело к изменению в умонастроениях внешнеполитической элиты России, а затем и к переменам в курсе.

Резкие повороты и зигзаги в политике, безусловно, нанесли определенный ущерб внешнеполитической деятельности России. Особенно на начальном этапе. Этот ущерб был бы, как мне представляется, значительно меньше, если бы у нас была развита современная теория внешней политики.

Учитывая это обстоятельство, я попытался поставить некоторые вопросы из этой сферы и дать на них ответ в своей работе. Особое внимание при этом уделялось роли идеологии во внешней политике России, влиянию особенностей страны и ее народа на внешнюю политику России и некоторым другим проблемам.

Было бы, однако, несправедливо критиковать за нелюбовь к теории лишь практиков. Ее явно обходят стороной и ученые. Поэтому у российских исследователей нет еще сколько-нибудь основательных эссе на этот счет¹.

В отличие от России на Западе ситуация иная. Большое количество институтов, школ, центров и т.д., не одно десятилетие специализировавшихся на СССР, продолжают заниматься российскими проблемами. Таких институтов и центров на Западе более 500, из них около 200 - в США и более 100 - в ФРГ. Огромная по количеству исследовательская литература требует специального изучения. Кроме масштабов задача осложняется и тем, что лишь небольшая ее часть переводится на русский язык².

Объективности ради следует, однако, заметить, что для теоретической разработки современной внешнеполитической проблематики у нас не созрели, пожалуй, еще предпосылки. Прежде всего нет еще общей теории развития новой России и, кроме того, во многом утрачены традиции и навыки развития теории. Они были утеряны в конце 20-х годов, а по мере установления сталинской диктатуры, догматизации и канонизации марксистско-ленинской идеологии оказались и вовсе ни к чему.

Возрождение вкуса и навыков к подлинно творческой теоретической работе в области общественных наук - дело чрезвычайно сложное и достаточно длительное. Для этого требуется многое такое, чего в нашем обществе еще нет. Например, ясное понимание важности реалистичной теории для практики, высокий уровень плюралистичной политической культуры и т.д.

Несмотря на сказанное, есть надежда, что появление развернутых теоретических исследований в области внешней политики - дело ближайшего будущего. Залогом тому являются глубокие по содержанию статьи, которые регулярно публикуются не только в научных и научно-публицистических журналах, но и в периодической печати³. Многие из них были использованы при написании этой книги. Ссылки на них даются по ходу рассмотрения проблем.

Писать о текущих социальных или политических процессах всегда трудно. Особенно о процессах, происходящих в переходном обществе, каким является и нынешнее российское. Многие еще не успели устояться, определиться даже в своих основных чертах. Поэтому авторы, занимающиеся исследованием современных процессов, в том числе мировых, не только встречаются со значительными трудностями в их осмыслении, но и рискуют ошибиться, дать неверные оценки. Это, однако, не может служить основанием не заниматься столь важным делом.

К сказанному надо добавить два замечания. Первое: данная книга состоит из двух частей. Одна посвящена в основном теоретическим размышлениям, а другая - общему анализу различных этапов внешнеполитической деятельности новой России. Второе замечание состоит в том, что дискуссионная и публицистичная манера изложения материала вызвана характером исследуемых проблем.

Несмотря на это, хочу надеяться, что читатель извлечет пользу, ознакомившись с основными идеями этой книги.

ЧАСТЬ I.

О ТЕОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР.

К вопросу о новой расстановке сил в мире и сущности внешнеполитической доктрины России.

Конец 80-х-начало 90-х годов характеризуются фундаментальными переменами в расстановке сил в мире и в международной политике. За очень короткий срок, всего лишь за 2-3 года (1989-1991 гг.) были в значительной мере разрушены старые структуры, составлявшие основу системы международных отношений несколько послевоенных десятилетий. Одновременно начал формироваться новый миропорядок, основанный не на принципах конфронтации и борьбы антагонистических систем, как это было после октября 1917 г. и вплоть до середины 80-х, а на принципах взаимодействия сотрудничества и партнерства.

Переход к новому миропорядку не проходит безболезненно и беспроблемно. Как и всякий другой, нынешний переходный период характеризуется обострением многих старых и новых противоречий и конфликтов, неустойчивостью, неясностью многих элементов ситуации и политики.

Важной особенностью этого переходного периода является то, что происходящие изменения глубоко затрагивают весь мир.

В связи с этим достаточно напомнить об огромном размахе и динамизме перемен, происходящих по традиционной линии раздела Восток-Запад. В одно государство объединились две Германии, исчезло "социалистическое содружество" и Организация Варшавского Договора, представлявшие собой социально-политическое и военно-политическое образования.

Суть сдвигов в бывших социалистических странах состоит главным образом в крахе канонизированного марксизма-ленинизма, превращенного в единственную государственную идеологию, ликвидации монополии коммунистических партий на политическую власть, демократизации общественного строя, восстановления в правах частной собственности и рыночных отношений.

По объективным причинам этот процесс также не может развиваться бесконфликтно. На это не раз аргументировано указывали многие и в том числе Совет взаимодействия - международная организация, бывших глав государств и правительств. На 9-й сессии этого Совета, состоявшейся 30 мая-2 июня 1991 г. в Праге с участием Г.Шмидта, В.Жискара д'Эстена, Т. Фукуды, Дж.Каллагэна, П.Трюдо, Ж.Шабан-Дельмаса, М.Фрейзера, М.де ла Мадрида и других широко известных в прошлом лидеров. Было принято Заключительное заявление, в преамбуле которого, в частности, говорится: "Грозящие миру критические проблемы глобального характера требуют пересмотра международных отношений и выработки нового определения миропорядка"⁴.

Итоговый документ сессии примечателен во многих отношениях. Приведем лишь некоторые выводы из него. И прежде всего тот, который сформулирован в восьмом пункте. "Ни капиталистическая рыночная система, ни социалистическая командная экономика, - говорится в этом пункте, - не зарекомендовали себя в качестве совершенного метода удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей или же обеспечения справедливого распределения дохода. Точно также не существует чисто рыночной экономической системы, основанной на частной собственности. *Экономика большинства стран представляет собой смешанную систему с развитым частным сектором и крупным и мощным государственным сектором*"⁵.

В заявлении отмечается также, что хотя система командной экономики и централизованного планирования не имела успеха ни в одной из стран мира, индикативное и централизованное планирование, тем не менее, служило важным инструментом стимулирования экономического роста.

В итоговом документе сессии Совета взаимодействия содержится также немало других важных выводов и практических рекомендаций. В дополнение к вышеназванным приведем лишь еще один, касающийся приватизации. Заявление характеризует ее лишь как *одно из средств* перехода к рыночной экономике. Для преобразования системы, основанной главным образом на центральном планировании и государственной собственности, в другую, основанную главным образом на рыночных принципах, частной собственности и стимулировании инициативы и предпринимательства, потребуется, по мнению участников Совета взаимодействия, более десяти лет. Этот процесс не следует искусственно форсировать, имея в виду, что "резкое внедрение рыночных механизмов вызывает свои собственные проблемы, особенно в том, что касается безработицы и других социальных трудностей"⁶.

Демонтаж модели казарменного, командно-административного социализма сопровождался массовым протестом не только против своих властей, но и против СССР, диктата "русских", стремлением выйти из-под опеки Москвы, положить конец диктату "старшего брата", восстановить подлинную независимость.

Кризис социализма самым тесным образом связан с кризисом марксизма-ленинизма вообще, доктрины государственного социализма, крайне идеологизированной внешней политики социалистических государств. Устаревшие догмы оказались не в состоянии объяснить новые общественные реалии.

Крушение тоталитарного социализма и всего, что с этим явлением было связано, ликвидация его остатков и последствий, - это на мой взгляд, важнейшее событие конца XX века,

Одним из фундаментальных следствий этого явления явилось поражение конфронтационного мышления, идеологически питавшее безудержную гонку вооружений. Чрезвычайно дорогостоящая, эта гонка, и прежде всего гонка ракетно-ядерных вооружений, сопровождавшая "холодную войну" все годы ее существования, то и дело ставившая мир на грань всеобъемлющей катастрофы, не только пошла на убыль, но и сменилась разоружением и конверсией военной промышленности. И хотя последнее также обходится сейчас недешево, в перспективе народы получают от этого немалый выигрыш. Не только в виде значительного повышения уровня безопасности (таков парадокс нашего времени: не рост вооруженности, а, наоборот, разоружение до уровня оборонной достаточности, повышает уровень безопасности), но и в виде продукции гражданского назначения.

В связи с сокрушительным и быстрым крахом тоталитарного социализма нельзя не упомянуть еще об одном следствии этого краха - распаде СССР. Образовавшиеся в результате этого распада самостоятельные государства оказались также перед необходимостью разработки новой внешнеполитической доктрины.

Еще одним обстоятельством, оказывавшим и продолжающим оказывать глубокое воздействие на международный климат, является состояние российско-американских (в недавнем прошлом советско-американских) отношений. Отказ двух сверхдержав, возглавлявших враждовавшие мировые лагеря, от политики конфронтации и их переход к политике сотрудничества и взаимодействия, благоприятно сказывается на решении многих международных проблем.

По оценке Э.А.Шеварднадзе, к началу 90-х годов в советско-американских отношениях произошел переворот, "который не только повлек за собой переход от конфронтации к взаимодействию и сотрудничеству, но и предопределил глубокие перемены в мире"⁷.

Немаловажным фактором новой мировой ситуации является и отказ ряда стран "третьего мира" от ориентации на социализм.

Упомянутых обстоятельств, на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы сделать обоснованный вывод о глубинном характере произошедших и продолжающихся происходить перемен в мире.

* * *

Изменение ситуации не могло не отразиться на концепции внешней политики СССР, а затем и России. Главная черта этой новой концепции в сравнении с предыдущими - отказ от коммунистической идеологии как основы внешней политики, практически полная ее деидеологизация .

В послереволюционный период в нашей старой модели соседствовали мессианские мотивы, стремление распространить социалистический порядок на весь мир и желание использовать возможности внешнего мира для развития собственных производительных сил. В 40-е годы преобладала забота о выживании страны, достижении победы над смертельно опасным врагом. В первые послевоенные годы по периметру границ СССР были созданы режимы, по существу полностью копировавшие сталинский социализм командно-административного типа. По убеждению Сталина, именно наличие коммунистических правительств могло укрепить военную безопасность СССР и лучше удовлетворить его экономические нужды. В сталинской внешней политике были сильны великодержавные мотивы, стремление повелевать народами. При этом правящие коммунистические и рабочие партии умело использовались как инструменты для проведения просоветской политики.

В 50-70-е годы на волне успехов социализма и национально-освободительной борьбы великодержавный элемент стал преобладающим в советской внешней политике, заглушающим все остальные. Даже элемент прагматизма, всегда присутствовавший в международных делах СССР, звучал в то время значительно тише. Всепланетная борьба с гидрой империализма во главе с США, наряду со стремлением раздвинуть границы коммунистической системы, настолько затуманили сознание советских лидеров, что на алтарь этой борьбы нередко приносились насущные интересы советских людей. Случалось, что пренебрегали и безопасностью. Например, когда в борьбе за лидирующую (в общем-то иллюзорную роль) в коммунистическом движении рассорились с Китаем.

Общие итоги советского внешнеполитического курса негативны во многих отношениях. Прежде всего из-за его высокой затратности. Конфронтационная внешняя политика из десятилетия в десятилетие пожирала огромные материальные и интеллектуальные ресурсы.

Надорванная гонкой вооружений, производством большого количества ненужных, некачественных вещей, советская экономика с каждым годом все больше отставала от экономики наиболее развитых стран Запада и Востока. В условиях примата идеологии и политики над экономикой иного исхода невозможно было себе и представить.

Структура народного хозяйства была изуродована в угоду ВПК, обслуживавшему не только оборону и безопасность страны, но и великодержавные амбиции и мессианскую роль

СССР. Именно ВПК поглощал около 70% машиностроительной промышленности, в то время как на долю легкой промышленности в общем объеме производства приходилось всего 7%, т.е. в 10 раз меньше. По подсчетам американских экономистов, издержки, связанные с обеспечением советского влияния в Восточной Европе и в других регионах и с содержанием необходимых для этого вооруженных сил, составляли ежегодно от 20 до 28% ВВП. Не удивительно, что по жизненному уровню населения в начале 80-х годов СССР находился на предпоследнем месте среди стран-членов СЭВ.

Было бы, однако, несправедливо обвинять в гонке вооружений и бессмысленной трате огромных материальных и трудовых ресурсов один лишь Советский Союз. В безумном соревновании в производстве и накоплении оружия участвовал почти весь мир. Наглядное подтверждение этому мы находим в ежегоднике Стокгольмского международного института по исследованиям проблем мира (СИПРИ) за 1991г.

В нем отмечается, что 1990 г. стал первым годом новой эры, начавшейся с окончанием "холодной войны". Этот год характеризуется преодолением раскола Европы, объединением Германии, развитием процессов сокращения вооружений, трансформацией НАТО, роспуском Варшавского договора и одновременно войной в зоне Персидского залива. Но эра мирного развития нашей планеты еще не наступила. В 1990 г. глобальные военные расходы сократились всего на 5% и составляла 950 млрд. долларов. 800 млрд. из них приходится на развитые государства, остальные -на страны "третьего мира". Уменьшение абсолютных показателей, как отмечается в ежегоднике, вызвано прежде всего сокращением военных расходов СССР и США соответственно на 10 и 6%. Тем не менее на эти две державы приходилось более 60% общих военных ассигнований всей нашей планеты. Особенно высокий уровень военных расходов СССР и США имели в первой половине 80-х годов. Поэтому даже при весьма значительных сокращениях на оборону военные расходы США в 1990г. по расчетам специалистов СИПРИ были на 30% выше таких же расходов в 1980 г. Для СССР этот показатель составил 38%.

Общая тенденция постепенного сокращения продолжалась и в 1990г. и в последующие годы. Этим мир обязан уменьшению военных ассигнований в "трех ведущих центрах" - в США, СССР и в Западной Европе⁸.

Освобождение экономики, а вместе с ней внешней политики от пут идеологических догм, давно оторванных от жизни или, говоря иными словами, деидеологизация внешней политики и департизация внешнеполитических институтов и ведомств является важнейшим, по существу революционным актом и большим шагом в направлении прагматизации этой сферы государственной деятельности. Правда, по мнению некоторых специалистов, внешнеполитическая стратегия первых пяти перестроечных лет, вошедшая в историческую летопись как стратегия Горбачева-Шеварднадзе, в значительной степени базировалась на односторонних уступках странам Запада и прежде всего США, будь то в сфере разоружения или в области региональных конфликтов.

К сожалению, решительный отказ от идеологических догм и отживших стереотипов, поворот внешней политики к реальным жизненным проблемам происходил не в условиях ясного видения новой внешнеполитической доктрины, а наоборот, в густом тумане быстро меняющихся внутренних и внешних реалий. Это - с одной стороны. Что же касается другой, то надо отметить, что хотя перемены в мире и в нашей стране произошли фундаментальные, они все же не затронули ее великодержавность.

У советской великодержавности, причину которой А.Козырев в свое время видел в интересе укрепления самой централизованной системы, господствовавшей в СССР, ее соперничества с окружающим миром⁹, всегда был российский стержень. Так считают и некоторые западные и отечественные ученые. Например, немецкий исследователь Вольфганг Койдль. Анализируя внешнюю политику новой России, он пишет: "К великому удивлению многих идеалистов на Западе, эта политика часто не отличается вообще от политики Советского Союза... Ныне все яснее становится факт, так старательно не замечавшийся во время "холодной войны": советская внешняя политика намного меньше определялась идеологическими факторами, чем это было принято утверждать на Западе. Как в русской матрешке, в советской оболочке неизменно торчало российское ядро, и советская внешняя политика была в конечном счете всегда российской великодержавной политикой"¹⁰.

Именно эта великодержавность более всего беспокоила и продолжает беспокоить наших бывших и, наверно, нынешних оппонентов, в частности, США. "Как идеологическая сила Москва в основном утратила свое значение. - отмечал в одном из своих интервью Генри Киссинджер. - Но как государство Россия вызывала озабоченность своих соседей на протяжении последних 700 лет. Когда государство действует определенным образом на протяжении столь длительного времени, трудно представить себе, что один человек может все изменить. Сейчас Америке необходимо перенести внимание с идеологического конфликта на геополитическую область, где, как я по-прежнему считаю, Советский Союз остается потенциальным противником"¹¹. Хотя СССР уже нет, можно не сомневаться, что вместо него Киссинджер, не колеблясь, назвал бы сейчас Россию. Тем более, что именно о ней и шла речь в начале цитаты.

Подытоживая краткий экскурс в историю советской внешней политики, надо отметить, что она стояла на трех столпах, или "китах": *марксистско-ленинской идеологии, великодержавности и мессианстве.*

От первого столпа исходила политика разделения мира на антагонистические, непрерывно враждующие социально-экономические системы. Стержнем этой политики была идеология силы, военное противостояние и противоборство как непосредственно между двумя военными сверхдержавами, выступившими лидерами систем, так и в любой части мира, где сталкивались их интересы. И хотя официально декларировавшаяся политика называлась политикой мирного сосуществования двух антагонистических систем, на самом

деле это была политика противостояния и бесконечного противоборства, нередко ставившая мир на грань горячей войны и даже вселенской катастрофы. Достаточно вспомнить о Карибском кризисе 1962 г., чтобы убедиться, насколько опасно было это противостояние.

Было бы, однако, неверно считать, что в этом противоборстве была повинна лишь одна сторона. Немалую лепту в него вносили и Западные страны. Мир был разделен на противоборствующие блоки и чуть ли не каждая страна принадлежала к какому-либо из блоков и смотрела на участника другого блока как на своего заклятого врага.

Что касается великодержавности и мессианства, то на эти столпы Россия начала опираться уже давно, задолго до октября 1917 года. И надо сказать, что не только идеологические постулаты, но и объективные обстоятельства нередко тому способствовали.

Немногочисленные народы, особенно живущие по периметру российских границ, не раз и не два подвергавшиеся нападению извне, то и дело обращались в прошлом и обращаются теперь к России за помощью и защитой. Это значит, что великодержавные устремления России подчас не только находили благодатную почву, но и как бы являлись ответной реакцией на те события, которые происходили на ее границах или в дальнем зарубежье.

Мессианство же, обусловленное духовными или идеологическими причинами, как правило, дополняло великодержавные интересы России или СССР.

Поэтому отказ от коммунистической основы внешней политики не означает, что Россия отказалась от великодержавности и мессианства. Хотя состояние ее экономики, как и общее состояние в начале 90-х годов не предрасполагали к этому, считать, что она навсегда отказалась от двух традиционных опор, было бы, на наш взгляд, преждевременно.

Правда, точка зрения А.Козырева по этому вопросу иная. Он полагает, что Россия уже отказалась от идеологического мессианства, то есть завоевания для социализма все новых пространств. Именно из этого мессианства, по мнению министра, "вытекала задача конфронтации с Западом и ориентация на все те силы в мире (особенно в третьем мире), которые рассматривались как естественные союзники против Запада"¹².

Отойдя от мессианства, российская дипломатия, как утверждает А.Козырев, взяла курс на прагматизм. "Работа с каждым государством идет по принципу сглаживания того, что нас разделяет, и использования в общих целях того, что нас сближает"¹³.

Рассуждения А.Козырева страдают, на мой взгляд, сразу несколькими недостатками. Во-первых, российское мессианство не связано с социалистической идеологией, а связано с особенностями менталитета народа и российской государственности. Социалистическая идеология, став государственной, всего лишь усилила мессианство. Во-вторых, задача конфронтации вытекала главным образом из антагонистической сущности отношений между противоположными социально-экономическими системами, а не из мессианства.

Весьма спорно и утверждение о курсе на прагматизм. Поскольку прагматизм не исключает, а, наоборот, предполагает извлечение выгоды (не обязательно только для своей

страны), постольку можно утверждать, что российская внешняя политика и сейчас не всегда прагматична, ибо она нередко идет на уступки. Не прагматично, например, терять позиции в странах "третьего мира", завоеванные ранее немалой ценой, добровольно уходить с мировых рынков вооружений, которые осваивались годами и т.д.

Объективности ради следует добавить, что все это началось еще до Козырева, при Шеварднадзе, но тем не менее, говорить о прагматизме новой российской внешней политики не всегда есть основания.

Правомерно утверждая, что внешняя политика СССР была чрезмерно идеологизированной и слишком подверженной мессианской идее, следует, тем не менее, сделать важную оговорку. Марксистско-ленинская идеология была для КПСС (особенно в том виде, в котором она пребывала после сталинских упрощений и деформаций) в значительной мере камуфляжем, под которым скрывалось далеко не социалистическое содержание. Особенно это было характерно для внешнеполитической сферы. По мнению некоторых специалистов, "внешнюю политику СССР до перестройки "нельзя назвать коммунистической". С точки зрения некоторых политологов, это был "естественный внешнеполитический курс сверхдержавы"¹⁴. Исходя из того, что экспансионизм - нормальное проявление мощи развитого, сильного государства, кое-кто считает, что прежнюю внешнюю политику СССР "нельзя списывать на большевистские заблуждения постаревшей партократии". Поиск союзников среди стран "третьего мира", политическая и финансовая поддержка близких нам партий в развитых капиталистических странах, создание форпостов на Кубе, в Никарагуа и т.д. - все это было естественным экспансионистским устремлением Советского Союза.

Хотя за последние годы в мире в целом и в России, в частности, многое изменилось, от прежней ситуации сохранилось еще немало такого, что беспокоит все мировое сообщество. Это и региональные конфликты, и экологические проблемы и т.д.

Таковы, коротко говоря, основные составные части миропорядка начала 90-х годов XX века¹⁵.

Для России вхождение в этот миропорядок осложнялось, с одной стороны, тем, что она объявила себя правопреемницей СССР, а с другой, тем, что приходилось на ходу в очень короткое время разрабатывать свою собственную политическую доктрину. При этом следовало максимально учитывать как особенности страны, так и другие факторы воздействия.

О РОЛИ ИДЕОЛОГИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИИ В XX ВЕКЕ.

*К вопросу о соотношении идеологии и национально-государственных интересов во
внешней политике России.*

В течение всей тысячелетней истории России не было, пожалуй, ни одного такого столетия, в котором бы и внешняя и внутренняя политика нашего государства менялась так кардинально и так часто, как в заканчивающемся XX веке. Если не принимать во внимание неизбежные колебания, которые объясняются сменой правящих сил, групп и личностей и которые в той или иной степени характерны практически для всех стран и всех эпох, то революционных переворотов в системе международных отношений в XX веке (некоторые ученые склонны называть их тектоническими сдвигами¹⁶), было три: 1 - после Октябрьской революции 1917 года; 2 - после второй мировой войны; 3 - в конце 80-х - начале 90-х годов¹⁷. При этом первый и третий перевороты (в их рамках были более мелкие и менее значимые, повороты и зигзаги, связанные прежде всего с субъективными качествами первых лиц страны) были настолько сильными и радикальными, что означали по существу полное отрицание предыдущего состояния и начало принципиально нового. И хотя второй поворот был не столь радикален, он также повлек за собой большие изменения в системе международных отношений.

Особенно примечательным и сложным является нынешний, третий переворот. Не успев завершиться в период существования СССР, он продолжается при новой России.

Какие же цели и черты характеризуют все три переворота? Чем они отличаются друг от друга? Каковы были последствия всех трех для страны и мира? Наконец, какую роль на каждом из них играла идеология и можно ли обойтись без нее¹⁸? Вот те непростые вопросы, которые имеют не столько теоретическое, сколько практическое значение, в том числе для сегодняшнего времени.

Но прежде чем остановиться на освещении этих вопросов, сделаю два важных замечания.

1. Роль идеологии во внешней политике страны напрямую связана с национальными и государственными интересами, с их пониманием и трактовкой правящими силами в конкретный исторический момент. Важно также определение этими силами соотношения между ролями идеологии и национально-государственных интересов.

2. Конкретные цели и задачи, решаемые внешней политикой страны в определенный исторический момент, могут вступать в противоречие с идеологическими основами этой политики. Разрешение этого противоречия должно происходить не без учета идеологических основ.

* * *

Первый переворот во внешней политике России в XX веке неразрывно связан с Октябрьской революцией 1917 г. В этот исторический момент внешняя политика страны

обрела принципиально новые цели и задачи, новые отличительные черты по сравнению с внешней политикой ее предшественницы - царской России. Столь радикальные перемены были обусловлены главным образом новой идеологической основой внешнеполитической деятельности государства. Традиционная для России триада графа С.С.Уварова "самодержавие, православие, народность", которая во внешней политике выражалась главным образом в великодержавности, конфронтационности и мессианстве, была заменена в октябре 1917 года классовой революционной идеологией¹⁹.

Вскоре после революции классовый характер внешней политики Советского государства был закреплён законодательно. Уже в первой советской Конституции 1918 г. в главе второй (ст.30) говорилось: "Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах..."²⁰.

Идеями антагонистической классовой борьбы были пронизаны и все последующие Основные законы нашей страны: 1924, 1936 и 1977 гг. А в последней Конституции СССР 1977 г. внешней политике была отведена даже отдельная 4-я глава. В ней прежде всего закреплялись цели этой политики, а также принципы отношений СССР с другими государствами.

К целям относились следующие: обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР; защита государственных интересов Советского Союза; укрепление позиций мирового социализма; поддержка борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс; предотвращение агрессивных войн; достижение всеобщего и полного разоружения; последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Реализация указанных целей планировалась посредством внешней политики, основанной на следующих принципах: соблюдение принципов суверенного равенства; взаимный отказ от применения силы или угрозы силы; нерушимость границ; территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; добросовестное выполнение обязательств, вытекающих из общепризнанных норм международного права, из заключенных СССР международных договоров.

В отношениях со странами мировой системы социализма и соцсодружества, действовали, кроме выше названных, и следующие принципы: развитие и укрепление дружбы и сотрудничества; товарищеская взаимопомощь со странами социализма на основе принципа социалистического интернационализма; активное участие в экономической интеграции и в международном социалистическом разделении труда²¹. Все эти принципы также были закреплены в Конституции.

Даже простое перечисление целей и принципов внешней политики СССР показывает, что наряду с вполне обоснованными государственными и национальными интересами они включали и чисто классовые, антагонистические, вытекавшие из существа марксистско-ленинской идеологии.

В отличие от всех предыдущих Основных законов в Конституции 1993 г. отсутствует всякая идеологическая основа и направленность как у внутренней, так и у внешней политики. Признавая идеологическое многообразие (ст.13, п.1), эта Конституция предписывает далее: "Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной" (ст.13, п.2).

Прямым результатом классового подхода явилось то, что если до октября 1917 г. идеологический элемент занимал в российской внешней политике в основном подчиненное место, а главным элементом были интересы державы, то после октября цели и задачи международной политики стали подчиняться прежде всего цели мировой пролетарской революции, задачам борьбы угнетенных трудящихся за свое национальное и социальное освобождение. При таком подходе национально- государственные интересы нередко отодвигались на второй и даже третий план.

Радикальные перемены в основах не могли не иметь далеко идущие негативные последствия. Во-первых, идеологически подневольная внешняя политика стала значительно более затратной, поскольку, с одной стороны, привела к резкому росту противостояния в мире и еще больше подхлестнула чрезвычайно дорогую гонку вооружений, которая велась уже тогда, а с другой стороны - потребовала поддержки (тоже очень дорогостоящей) братских или родственных партий, движений и стран, обладавших, как правило, небольшим экономическим потенциалом. Достаточно вспомнить о долгах, доставшихся в наследство современной России от развивающихся стран социализации, или о неэквивалентной торговле со странами социализма, чтобы убедиться в справедливости вышесказанных слов.

Важно отметить и то, что мир, который до октября 1917 г. разделяли противоречивые государственные и национальные интересы, в том году раскололся на антагонистические общественные системы, каждая из которых не столько силой идей, сколько силой оружия (во всяком случае до конца "холодной войны") стремилась доказать остальному миру превосходство своего образа жизни и своей идеологии. Эта конфронтация имела в целом негативный и очень опасный характер. Хотя бы потому, что неоднократно ставила мир на грань ядерного апокалипсиса. Во время Карибского кризиса, например.

Поэтому идеологический раскол и противоборство, как показала практика, был и по-прежнему продолжает быть самым опасным видом раскола и противоборства, особенно в век мощнейшего ракетно-ядерного потенциала. В борьбе за превосходство своей идеологии стороны готовы идти очень далеко и не брезгают, как показывает практика, даже самыми опасными для мира средствами.

Сказанное в равной мере справедливо в отношении *всех* противоборствующих сторон, а не только СССР или США.

Но перемещение после 1917 г. идеологического фактора на первые роли вовсе не означало, что другие обстоятельства, в частности государственные интересы, перестали иметь значение. Они продолжали оставаться одной из основ внешней политики страны. Именно это делало ее в целом прагматичной и на определенных направлениях даже эффективной.

С превращением марксистско-ленинской идеологии в государственную новое звучание, статус и масштаб получили и такие традиционные для внешней политики России последних трех столетий принципы как великодержавность и мессианство. Убежденные в близости и неизбежности мировой социалистической революции, большевики сделали помощь революционным силам и процессам одной из основных целей своей международной миссии.

В силу особого статуса и положения царской России, а затем СССР и современной России на карте мира и в ряду цивилизаций, то, что происходило в этой стране, особенно в последние три столетия, начиная с Петра I, глубоко затрагивало мир и не менее глубоко воздействовало на него. Поэтому чрезмерная идеологизация внешней политики страны не могла не отразиться на мировой политике в целом, которая также стала более идеологизированной, чем прежде.

Но тот уровень идеологизации международной жизни, который существовал до второй мировой войны, никак не может быть сравним с тем, который царил после нее вплоть до середины 80-х годов, или на 2-м этапе советской истории.

* * *

К чему же сводилось идейное содержание внешней политики СССР и других социалистических государств на этом этапе?

Как и в предыдущие десятилетия, фундаментом ее служила марксистско-ленинская идеология со всеми уже названными выше атрибутами. Но во внешней политике СССР и в международных отношениях в целом появилось и определенное отличие, обусловленное появлением на карте мира социалистической системы и новой расстановкой сил на нашей планете.

Новые реалии, связанные с победой над германским фашизмом и японским милитаризмом во второй мировой войне и решающим вкладом в нее Советского Союза, явились благоприятной средой для заметного возрастания роли идеологического фактора и идеологического противоборства в международной жизни.

Хотя эти реалии хорошо известны, напомним их кратко, чтобы был понятен ход моих дальнейших рассуждений.

Они состояли прежде всего в значительном расширении сферы влияния коммунистической и социалистической идеологии и практики, а значит и влияния

Советского Союза. Целый ряд стран Восточного, а затем и Западного полушария оказались в орбите мощного всестороннего воздействия Советского Союза и руководящей и направляющей силы советского общества - КПСС. Из разнообразных форм этого воздействия - идеологическое было, пожалуй, самым сильным.

Начавшийся вскоре после войны мощный и быстрый распад колониальных империй был, как мне представляется, вторым по значению глобальным фактором, коренным образом изменившим расстановку сил на нашей планете.

Принципиальное значение имело и то, что немалое число освободившихся государств встало на путь сближения с СССР и другими странами социализма. А некоторые из молодых государств пошли еще дальше и объявили о намерении построить у себя социалистическое общество, что особенно сближало их с миром социализма.

Нельзя не упомянуть и еще об одном действенном факторе послевоенного мира - быстром росте коммунистического движения, ставшего не только международным, но и общемировым.

На таком фоне изменение соотношения сил в пользу социализма было воспринято капиталистическим миром как серьезная угроза своему существованию и стало для него мощным стимулом для консолидации своих сил и резервов. Именно поэтому был разработан и осуществлен американский "план Маршалла", нацеленный на быстрое экономическое возрождение Западной Европы, было создано НАТО и т.д. Консолидирующей акцией явилась, безусловно, и "Фултонская речь" У.Черчилля, произнесенная 5 марта 1946 г. в присутствии президента

США Г.Трумэна, и послужившая отправной точкой в "холодной войне". Одним словом, почувствовав угрозу, Запад напрягся, занял позу борца, готового "сдерживать и отбрасывать" советский экспансионистский коммунизм.

Ответная реакция СССР не заставила себя долго ждать. Консолидация затронула по существу весь социалистический мир. На создание одних, западных военно-политических и экономических блоков он ответил созданием подобных же. В результате раскол двух миров стал всеобъемлющим и очень глубоким. Пропась между ними все более расширялась. Связывавшие два враждебных лагеря экономические, расширялась. Связывавшие два враждебных лагеря экономические, культурные и иные мостики были в общем-то шаткими и поэтому не очень прочными. Антагонизм систем, подкрепляемый безудержной гонкой вооружений, креп из года в год. Основную роль в росте противостояния играла задогматизированная коммунистическая идеология. Заявления типа "монополистическая буржуазия США - главный оплот международной реакции" или "мировая империалистическая система раздирается глубокими и острыми противоречиями,"²² превращаясь в положения партийно-политических документов, а затем и в конкретные решения и дела, только подливали масло в огонь конфронтации. Немалую долю вины за ее обострение несет КПСС. Какова, к примеру, должна была быть реакция США и других

стран Запада на такие "теоретические" выводы, как следующий: "Человечество распознало подлинный облик капитализма, Сотни миллионов людей видят, что капитализм - это строй экономической анархии и периодических кризисов, хронической безработицы и нищеты масс, хищнической растраты производительных сил , строй, постоянно несущий угрозу войн. Человечество не хочет и не будет мириться с исторически изжившей себя системой капитализма ."²³

Усиливающееся идейно-политическое противоборство, нашедшее вполне адекватное выражение в термине "холодная война", провоцировало все новые и новые витки гонки вооружений, поглощало колоссальные ресурсы.

Рано или поздно это противоборство должно было вылиться в победу одной стороны и поражение другой. И хотя, чтобы сохранить лицо, мы говорили, что в "холодной войне" не было победителей и побежденных, на самом деле это не так. Если брать по большому счету, побежденным оказался государственный тоталитарный социализм и те, кто исповедовал его как "самую передовую общественно-политическую теорию и практику". А постиндустриальная западная система, наоборот, вышла из этой войны победительницей со всеми вытекающими из этого факта последствиями²⁴. Одним из таких последствий является, например, сохранение и даже укрепление НАТО, более того его развитие, выливающееся в нынешнее его расширение.

Из сказанного вытекают по крайней мере два очень важных обстоятельства. Первое. Тот мир, который в тяжелейших муках нарождался и складывался несколько послевоенных десятилетий вместе с системой сдержек и противовесов, навсегда ушел в прошлое. На наших глазах строится новый миропорядок, которому, как и предыдущим, потребуются новая система сдержек и противовесов, или, иначе говоря, система сохранения статус-кво и предотвращения войны, прежде всего глобальной, сохранения мира, решения противоречий, согласования интересов и т.д. В условиях высокой концентрации и широкого распространения оружия массового поражения нет задачи более сложной и трудной, но и более актуальной, чем создание такой системы.

Второе: основной причиной поражения системы тоталитарного социализма на международной арене явилась идеологическая запрограммированность его внешней политики и прежде всего внешней политики СССР. Именно догматическая идеология сделала нашу международную политику высокочрезмерной, недостаточно гибкой, особенно на направлении - "капиталистические страны".

Таковы были некоторые общие черты международной политики СССР и общего миропорядка накануне третьего революционного переворота в международных отношениях, начавшегося на рубеже 80-х и 90-х годов.

* * *

В течение короткого отрезка времени, всего лишь за несколько лет в мире произошли поистине фундаментальные, если не сказать революционные перемены, глубоко

затронувшие всю мировую политику и потребовавшие от международного сообщества приступить к кардинальной перестройке всей системы международных отношений.

Суть произошедших за последние годы в мире перемен достаточно хорошо описана, поэтому я не вижу необходимости останавливаться на этом вопросе. Скажу только, что закончится 3-й переворот тогда, когда сложится новая система сдержек и противовесов, установится новый мировой баланс сил. Судя по всему, это произойдет не скоро. Хотя бы потому, что нынешний переворот намного глубже, чем какой-либо из предыдущих, прямо затрагивает *все* страны мира, пусть и в разной степени. Радикальность и всеглобальность - вот, пожалуй, наиболее важные черты нынешнего, третьего по счету в XX в. переворота.

Однако отличия нынешнего переворота от предшествующих состоят не только в этом. Если два предшествующих заканчивались возникновением, а затем консолидацией двухполюсного мира, то современный открывает путь к многополярному. Это обстоятельство также ведет к заметному, если не к значительному усложнению системы международных отношений.

В силу развала мирового социалистического содружества и СССР новый переворот, пожалуй, ослабил противостояние антагонистических систем, но не ликвидировал его совсем, поскольку в мире осталось несколько стран, возглавляемых Китаем, заявляющих о своей неизменной приверженности социализму (правда, с национальной спецификой) и марксизму-ленинизму.

Данное обстоятельство, безусловно, должно быть учтено в любых рассуждениях о новой системе международных отношений. Как должно быть учтено и то, что на будущую систему международных отношений и расстановку сил в мире заметное воздействие окажут процессы на постсоциалистическом пространстве и в странах "третьего мира". Направленность этих процессов до конца еще не ясна. Поэтому нет оснований и строить гипотезы, куда повернет развитие событий и чем дело закончится.

Обобщая сказанное об уже сложившихся факторах и элементах новой системы международных отношений, следует признать, что вкупе они образуют очень сложный комплекс, заметно сложнее, чем когда-либо в истории. Адекватный их учет позволил бы не только выработать внешнеполитическую доктрину, отвечающую требованиям времени, но и эффективно проводить ее в жизнь, обеспечивая тем самым благоприятные внешние условия для решения внутренних проблем страны с учетом ее национальных и государственных интересов, или "национально-государственной" идеи.

* * *

Поиск этой идеи особенно активизировался в последние год-два, что прежде всего связано с бурным партийным строительством, программным творчеством многочисленных партий и движений, с выборами органов власти и другими обстоятельствами. Поскольку прежняя государственная идеология обанкротилась, к ней в прежнем ее виде мало кто прибегает. Основные усилия сосредоточились на выработке новой идеи. Диапазон поиска

очень широк: от самых крайних правых взглядов до крайних левых и крайних националистических. Для иллюстрации приведу лишь некоторые, наиболее примечательные, с моей точки зрения, взгляды.

Академик Л.Абалкин, один из активных участников дискуссии, развернувшейся вокруг поиска новой национальной идеи, считает, в частности, что исходным пунктом для нее должно стать представление о том, "какой мы хотели бы видеть Россию в отношениях между поколениями". Л.Абалкин видит смысл новой идеи в справедливости, уважении к предкам, гордости за страну и историю; применительно к политике - в честности и неподкупности; к культуре - в сохранении традиций, открытости к мировой культуре, борьбе с пошлостью; к экономике - в авторитете труда, многообразии форм собственности, свободном выборе форм деятельности и способов хозяйствования; к внешней политике - в безопасности, самостоятельности, твердости²⁵.

Другой участник дискуссии Н.Шмелев полагает, что "в нынешних условиях и на предвидимое будущее нам ближе всего социал-демократическая идея в ее наиболее либеральном варианте, однако окрашенная в сугубо российские тона"²⁶. Как показывает анализ, эту позицию разделяют очень многие ученые и политики.

К поиску новых идей и идеологических концепций подключаются все новые научные и политические силы. И хотя диапазон поиска, как уже было сказано, весьма широк, основная борьба идет, как мне представляется, между либерально-демократическим идейным направлением западного типа и социал-демократическим течением с российской спецификой. Если судить о состоянии этой борьбы на конец 1994 г., верх постепенно одерживает социал-демократическое направление. И чем бы ни закончилась эта борьба, окончательная победа любого из направлений окажет глубокое воздействие и на внешнюю политику России. Кстати сказать, отношение к роли идеологии во внешней политике далеко не однозначное. Немалое число (если не большинство) политиков и ученых считает, что внешняя политика должна быть полностью свободной от влияния идеологии. Накануне выборов в Госдуму В.Лукин говорил по этому поводу следующее: "Я решительно против того, чтобы ссориться с Западом, полностью за партнерские отношения с Америкой, с Европой, с Востоком, но партнерство должно быть зрелым и равноправным, хоть Россия сейчас не в лучшей спортивной форме. Поэтому я - за реализм и деидеологизацию политики"²⁷. Примерно через год тот же политик говорил несколько иное: "Русский народ с трудом живет без святынь, тоскует без них. И тоскуя, начинает "шалить"... "В России могут выжить только те у власти, кто в доступных народу формах соединяет два свойства: *силу* и *справедливость*, вернее, отвечает народным представлениям, народному воображению вокруг этих двух свойств. Именно это выражение повлекло низы 1917 года за большевиками"²⁸. Хотя Лукин и не говорит в своей статье, что идеи окажут заметное воздействие на внешнюю политику, это, конечно, будет так.

Отрицание или признание какой-либо роли идеологии в политике нередко сочетается с интенсивным поиском смысла и содержания российских национальных и государственных интересов. Тот же В.Лукин выявляет и указывает на три направления поисков: идеологизированный демократический интернационализм; реваншистский русский шовинизм; правильно понятый национальный интерес.

Разброс мнений по поводу того, как понимать и трактовать национальный и государственный интерес чрезвычайно велик. Даже в самом российском МИДе. В то время как его глава тяготеет к тому, чтобы национальные интересы определять в зависимости от конкретной ситуации, Ю.Рыжов считает, что эти интересы должны ставиться в зависимость от интересов личности, имея под ней в виду, очевидно, субъекта гражданского общества... (У А.Козырева есть, правда, и более развернутая трактовка национальных интересов России, которую он изложил в конце 1992 года. Сохранение суверенитета, независимости и территориальной целостности государства, укрепление его безопасности во всех измерениях, возрождение России как демократической, свободной страны, обеспечение благоприятных условий для формирования эффективной рыночной экономики, соответствующего статусу великой державы, включения Российской Федерации в мировое сообщество²⁹).

Заметно отличающуюся от приведенной выше точку зрения на национально-государственный интерес предлагает известный российский ученый и теоретик политики Э.А.Поздняков. Этот интерес видится ему прежде всего в том, "чтобы организовать все свои внутренние ресурсы в целях обеспечения своей независимости и безопасности, в предотвращении ее распада на многие псевдосуверенные образования, в сохранении единого народа, его культуры, его нравственных ценностей³⁰." Достаточно распространено и такое мнение, что национально-государственные интересы России необходимо согласовывать с той ролью, которую она традиционно, на протяжении не одной сотни лет играла на евразийском континенте - ролью стабилизатора и защитника европейской цивилизации, надежного щита против крупнейших в истории агрессий. Немало и других точек зрения. Поскольку большинство из них страдает узкопартийностью, известным по прошлым временам догматизмом или другими недостатками, я решил попытаться сформулировать национально-государственные интересы новой России, как они мне представляются безотносительно к определенной идеологии.

К современным национально-государственным интересам России я отнес бы следующие:

1. Сохранение целостности государства при одновременном кардинальном реформировании взаимоотношений между его центром и регионами в пользу последних. Такое реформирование - безусловный императив нашего времени. Без него распад России на суверенные образования неминуем, что имело бы трагические последствия не только для нас самих, но и для остального мира.

2. Восстановление дружественного России окружения. Прежде всего посредством активного содействия созданию жизнеспособного Союза евразийских государств. Не возрождение прежнего Союза ССР, а формирование на принципиально новой основе евразийской конфедерации, которая поначалу могла бы включать, к примеру, лишь Россию и Казахстан. Без дружественного окружения Россия не решит проблемы своего внутреннего развития.

3. Формирование новой экономической базы, основанной на конкуренции различных форм собственности и хозяйственных секторов. Исторические особенности России, нынешнее состояние ее хозяйства побуждают отдать предпочтение в переходный период государственному сектору экономики, регулирующей роли государства, большим и малым формам общественной собственности, не форсируя переход к либерально-демократической экономике западного типа. Развитие событий покажет, насколько наше общество будет склонно к переходу к такой экономике в будущем.

4. Создание правового демократического государства, основанного на плюралистической политической системе, также учитывающей российскую специфику и прежде всего коллективистские и православные настроения значительной части населения нашей страны.

5. Приоритетное развитие науки, образования и культуры, доступ к которым должен быть максимально облегчен для возможно более широкого круга граждан. Оказание этим сферам общественной жизни всесторонней помощи и поддержки со стороны государства.

6. Проведение новой внешней политики, основанной на принципах открытости миру, добрососедства и взаимовыгодного равноправного сотрудничества со всеми странами, стремящимися иметь дружественные и партнерские отношения с Россией. Такая политика более всего отвечала бы внутренним потребностям страны.

7. Активное участие в решении глобальных проблем. Прежде всего тех, которые несут в себе угрозу человечеству, его выживанию.

Формулируя названные интересы, я исходил из того, что национальные и государственные интересы совпадают. Так оно, очевидно и есть в периоды стабильного, устойчивого состояния и развития общества и государства. Но в переломные моменты истории, в такие, например, как нынешний российский, совпадения может и не быть. Либо государство, призванное обслуживать общество, не вполне адекватно осознает и отстаивает его интересы, либо общество не вполне разделяет интересы государства.

В нынешней России ситуация осложняется необходимостью перехода к демократии, что предполагает радикальную смену ролей государства и общества в пользу последнего. Это крайне неординарная задача для России, и дело вполне может закончиться тем, что традиционно высокая, преобладающая роль государства сохранится у нас и в будущем. Из этого кроме того вытекает, что в отношении России правильнее было бы говорить не о

национально-государственных интересах, а наоборот, о государственно-национальных интересах.

* * *

Кардинальные перемены в мире не могли не отразиться на концепции внешней политики СССР, а после его распада - России. Главная ее черта в сравнении с концепциями советского периода - отказ от марксистско-ленинской основы внешней политики. Деидеологизация была невозможна без принципиального изменения роли КПСС в советском обществе. Начиная с конца 80-х годов партия постепенно утрачивала свое монопольное влияние на внешнюю политику, а потом и на внутреннюю.

В связи со сказанным, возникают по крайней мере два закономерных вопроса: 1 - оправдано ли, что внешняя политика стала деидеологизированной; и 2 - верно ли то, что партии утратили свое влияние на внешнюю политику?

Сравнительно недавно, 2-3 года назад, многим (и мне в том числе) казалось, что внешняя политика государства должна быть свободной от идеологического диктата партии стоящей у власти. Думаю, что такое мнение сложилось в основном под влиянием целеустремленной борьбы против всевластия КПСС. Но за прошедшие годы многим стало ясно, что и новая Россия едва ли сможет обойтись без государственной идеологии. Конечно, это не будет единственная идеология, но она будет преобладающей и в этом смысле государственной. На сходных позициях стоят многие другие российские аналитики, которые утверждают, что такой идеологией будет социал-демократическая³¹.

Достаточно распространено, однако, и другое мнение, согласно которому "надо по-настоящему обратиться к ценностям православия, наследию великих русских мыслителей XX века". Сторонники этой точки зрения исходят из того, что первичным является "духовный подъем, сотворение новой духовной реальности" и приходят к выводу, что "для российского пути развития гораздо важнее такие качества как соборность, взаимопомощь, отказ от сиюминутных интересов и вместе с тем активизация личностного начала". "Пробудить дух, который сам преодолет все хвори", - вот цель, которую ставят многие исследователи нынешнего состояния российского общества, имея в виду под ней пробуждение традиционного для России духа православия, соборности, взаимопомощи³².

Не ставя под сомнение важность данного суждения, отмечу, тем не менее, что для современного российского общества этого, на мой взгляд, явно недостаточно. Поскольку в последние десятилетия, благодаря социально-экономическому развитию, значительная часть нашего социума стала отдавать предпочтение не духовным, а материальным ценностям. И с этой реальностью нельзя не считаться. Но нельзя в то же время отрицать, что для некоторой части россиян первичным по-прежнему остается духовность. Если оба вывода верны, то что же из этого вытекает? А вытекает прежде всего то, что главенствующей современной российской идеологией может быть лишь синтез материального и духовного. Из современных идеологий именно социал-демократия и еще христианско-демократическая (не

отнодь не либерально-демократическая) ближе всего стоят к такому синтезу. Из чего следует, что именно эти два идейно-политические течения и прежде всего социал-демократия со своей социально ориентированной экономикой имеют больше всего шансов на благоприятное развитие в сегодняшней России.

Таким выводом, на мой взгляд, руководствуются и некоторые политики, создающие базу для борьбы за власть в ближайшем будущем. Среди первых из их числа следует упомянуть А.Руцкого и его сподвижника В.Липицкого. На съезде НПСР, состоявшемся в 20-х числах мая 1994 г. под их руководством, было решено переименовать партию в Российскую социал-демократическую народную партию (РСДНП), имея в виду, очевидно, что социал-демократизм становится путеводной звездой партии³³.

Симптоматично также то, что за годы "шоковой терапии" в экономике некоторые радикальные демократы (скорее всего под воздействием приобретенного опыта) достаточно заметно дистанцировались от своих лидеров и программ и совершили поворот к иному идейному направлению и к особенностям российской жизни, т.е. коллективному труду, товарищеским акционерным формам владения собственностью и капиталом и т.д.³⁴. Под воздействием жизненных реалий меняются и позиции лидеров радикальных демократов, дрейфующие в сторону здорового правого консерватизма. Этот дрейф вызвал к жизни определенные иллюзии и позволил некоторым политикам поставить даже вопрос о возможности консолидации социал-демократии и либеральных сил. Такая постановка вопроса прозвучала, в частности, на научно-практической конференции в "Горбачев-фонде", состоявшейся в июне 1994г. В ней, по сообщениям печати, "приняли участие виднейшие представители отечественной социал-демократии всех направлений и оттенков"³⁵.

Надо полагать, что по мере развития рабочего и профсоюзного движения и осознания ими своих политических целей и возможностей, общественная база социал-демократии и социал-реформизма в России будет все более расширяться и крепнуть, что, безусловно, окажет сильное воздействие на все стороны идейно-политической жизни России.

* * *

Какой же общий вывод можно сделать из вышесказанного?

В XX веке общественные устои России трижды взрывались революциями. Две из них, случившиеся в 1917 г. одна за другой, полностью разрушили старый уклад страны. Сейчас на наших глазах происходит по существу четвертая революция. Одна из ее основных особенностей состоит в том, что различные политические силы, претендующие на лидерство, по-разному представляют себе цели и задачи происходящих перемен, а также методы их реализации.

Радикальные либерал-демократы, например, в лице образовавшейся в июне 1994г. партии "Демократический выбор России" полагают, что Россия может и должна пойти

западным путем и что все средства, в том числе самые радикальные, в частности, "шоковая терапия" в экономике, годятся, чтобы направить страну к этой цели.

Коммунисты, в свою очередь, надеются на возврат к социализму, что со всей очевидностью еще раз показал III съезд КПРФ, состоявшийся 21-22 января 1995 г.

Так называемые центристские силы ориентируются на постепенные демократические реформы с целью создания социально ориентированной экономики и т.д.

Соотносительно с этими общими представлениями о внутреннем переустройстве общества выстраиваются и внешнеполитические приоритеты. Поэтому не удивительно, что практическая политика и ее конкретные исполнители (МИД, например) заметно колеблются, когда происходит смена доминирующей силы, как это было, скажем, в декабре 1993г.

Если события в России будут и дальше развиваться относительно мирно (что крайне желательно, ибо радикальные насильственные революции в России исчерпали себя), то, как мне представляется, ни один из выше описанных сценариев не претворится в жизнь. А Россия, как всегда, пойдет собственным путем.

Но как бы ни развивались события внутри страны, ее внешняя политика находится под их прямым воздействием и является их продолжением.

В XX веке эта политика трижды совершала крутые виражи. Каждому из них были свойственны определенные цели, задачи, методы и средства реализации.

Стержнем, вокруг которого строилась вся политика страны, всегда (за исключением последних трех лет) была идеология. Теперь же наступил идеологический вакуум, а, если быть точнее - время острой борьбы различных идеологий за пальму первенства. Пока ситуация не прояснится и какая-либо из соперничающих идеологий не возобладает как государственная, нам, как мне кажется, будет трудно выбраться из тупика.

С точки зрения многих, такой идеологией станет социал-демократическая, что, как им кажется, вполне согласуется с сущностью и особенностями России, ее прошлым и нынешним опытом, а также менталитетом народа. Для внешней политики страны из этого вытекает следующее.

Первое и главное то, что она будет призвана защищать прежде всего национально-государственные интересы, а затем уже частные. Важно будет и то, что у нас сохранятся заметные (если не значительные) различия и соответственно идеологическое противоборство со странами Запада не только в области государственных интересов (что естественно), но и в области идеологии. Конфронтационность (на мой взгляд, она не будет носить антагонистический характер) может затронуть не только сферу идеологии, но и другие.

Но как бы дело не обернулось с выработкой и утверждением у нас доминирующей идеологии, задача, как мне кажется, состоит не в том, чтобы вычеркнуть ее из основ политики, а в том, чтобы идеологический фактор не подавлял другие - национальные и государственные интересы, чтобы умело сочетать первое со вторым. Лишь такое сочетание

способно сделать внутреннюю и внешнюю политику максимально эффективной. И, наоборот, одни национально-государственные факторы без идеологической основы не способны дать нужный результат.

ОСОБЕННОСТИ РОССИИ И ЕЕ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.

Хотя внешняя политика любого государства является в значительной мере продолжением внутренней и уже поэтому сильно зависит от нее, ее в то же время следует отнести к особой сфере деятельности.

Объясняется это несколькими обстоятельствами. Прежде всего тем, что осуществляя внешнеполитическую деятельность, государство и его представители, занятые в этой сфере, вступают во взаимодействие с огромным числом различных по характеру участников международной жизни. Уже одно это делает дипломатическую сферу чрезвычайно сложной и деликатной, требует высокого профессионализма, не терпит даже тени дилетантизма. Но этого недостаточно. Чтобы деятельность дипломатов была успешной, они должны обладать также ясным знанием целей и интересов того государства, чьими посланниками они являются.

С этой точки зрения российские дипломаты находятся сейчас явно в незавидном положении. Главным образом из-за большого разнообразия внешнеполитических концепций, которые предлагаются различными политическими силами России. Разброс мнений в этих концепциях, официально выдвинутых, а то и утвержденных на "самом верху", достаточно велик, отчего голова может закружиться даже у видавших виды асов дипломатии, не говоря уже о новичках.

Чем руководствоваться, какой линии поведения придерживаться - это далеко не схоластические и не праздные вопросы для наших внешнеполитических работников. Особенно тех, кто трудится за рубежом и практически повседневно сталкивается с тем, что его партнеры из страны пребывания хотят знать, какого курса придерживается Россия внутри страны и за ее пределами. Без ясного знания политики партнера невозможно правильно построить и свою собственную. Если нет ясности, нет, как правило, и действия, поскольку партнер боится совершить ошибку. Отсюда прямой путь к свертыванию связей и к их застою.

С учетом сказанного замечу, что давно пора внести большую ясность в нашу внешнеполитическую доктрину. Тут мне могут возразить, что ведь есть же у нас концепция, официально утвержденная президентом и советом национальной безопасности. Что еще нужно? Не пора ли ставить точку на споре? Думаю, что еще не пора. Во-первых,

потому, что кроме президентской, есть и другие, также исходящие от правящих сил. Различия между ними и их противоборство не так безобидны, как может показаться.

Во-вторых, потому, что они, как мне представляется, слабо учитывают особенности России. По ходу изложения я постараюсь это обосновать.

Наконец, в-третьих, потому, что за последние месяцы образовались новые важные факторы, которые, безусловно, окажут заметное воздействие и на стратегию и на тактику внешней политики России. Имеются ввиду прежде всего факторы, связанные с развитием процессов в СНГ. Хотя сформировались и другие. Речь о них пойдет ниже.

*Особенности России и ее государственности
как факторы воздействия на внешнюю политику.*

Вопрос, вынесенный в подзаголовок, уже достаточно хорошо освещен в нашей научной и публицистической литературе³⁶. Стремясь выяснить, почему в России события развиваются не так, как в других странах, например, на Западе, россияне с давних времен приходили к справедливому выводу о непохожести своей страны, своего образа жизни и психологии на других. Хотя это "открытие" весьма сходно с "открытиями" других стран и народов, оно, тем не менее, является ключом к разгадке многих загадок российской политики, как внутренней, так и внешней.

Каковы же особенности нашей страны и ее современной государственности? Их достаточно много. Выделим главные.

Первая особенность, которую справедливо не обходит никто, это ее географическое и геополитическое положение. Простираясь на огромной территории (1/7 часть земной суши), Россия является не только евроазиатским гигантом, равному которому нет на Земле, но и естественным связующим мостом между Западом и Востоком. И не только мостом, но и одним из важнейших балансиров и регуляторов всей системы международных отношений, особенно в Европе и Азии.

Вторая особенность также имеет дело в основном с географией и климатом. Огромные природные богатства России, ее просторы, преобладание равнинной местности, нелегкие климатические условия и прочие факторы в течение веков благоприятствовали не интенсивному, а экстенсивному развитию страны и образа жизни ее населения. С этой особенностью прочно связан традиционный для россиян расчет на патронаж со стороны общества и государства, на поддержку "мира". Складывавшийся из поколения в поколение преимущественно коллективистский образ жизни и труда является, можно считать, основой национального менталитета наших сограждан и именно это составляет коренное отличие от менталитета граждан западного мира, издавна привыкших полагаться прежде всего на самих себя и являющихся в общем убежденными и, так сказать, закоренелыми индивидуалистами.

Особая роль российского государства и его институтов в регулировании социальных отношений только укрепляла сложившийся в веках образ жизни россиян, а за советский период нашей истории превратила его прямо-таки в догму. В этом состоит третья особенность России, с которой тесно связана следующая, четвертая по счету: высокая роль исполнительных органов власти и традиционно невысокая роль представительных органов власти на Руси, отсутствие глубоких исторических корней подлинного народовластия и плюралистической политической культуры. Нередко прерывавшийся исторический опыт создания представительных органов власти оказался в конечном счете весьма скудным.

Наконец, у России и ее государственности есть еще одна особая черта, пятая, которая сложилась исторически и выросла из потребности постоянно держать порох сухим, оборонять себя от всевозможных интервентов, нападавших с разных сторон. Правда, в российской истории случалось и так, что вооруженная сила нужна была для экспансионистских и колонизаторских целей. В результате в менталитете россиян, начиная с правящих политических сил и заканчивая рядовыми гражданами, сложился своеобразный военно-оборонительный комплекс. И одна и другая сторона были всегда готовы выделить на военные нужды страны все самое лучшее и даже сверх того. Особенно характерным это было для советского периода нашей истории. В конечном счете военно-промышленный комплекс в СССР принял такие масштабы и получил такой вес, какой он редко получал в каком-либо другом государстве.

Помимо перечисленных ученые называют и другие особенности России³⁷. Отсутствие перенаселенности, земельной тесноты формировало у жителей России не только чувство большой Родины и пространственной свободы, но и способствовало децентрализации, сохранению определенной разобщенности и различий между центром и регионами - провинцией.

Кроме фундаментальных факторов, уходящих своими корнями далеко в историю и основанные на особенностях геостратегического положения страны, на внешнюю политику России влияют и другие обстоятельства. Среди этих других выделяются следующие: 1- фактор исторического момента, переживаемый страной; применительно к нынешней России - переходное состояние общества, смена экономической и политической системы, сопровождающаяся поиском новой парадигмы развития и новых форм государственности; 2 - фактор фундаментальных перемен, происходящих в системе международных отношений и охватывающих по существу весь мир; 3 - фактор субъективных и личностных качеств разработчиков и исполнителей внешней политики.

В то время как долговременные факторы, т.е. это факторы стратегического порядка, должны учитываться при создании фундамента внешней политики, факторы исторического и личностного ряда принимаются во внимание при разработке и осуществлении конкретных внешнеполитических акций.

Достаточно полное и адекватное сочетание факторов первого и второго рядов дает искомый результат, делает внешнюю политику глубоко продуманной и результативной. И наоборот.

Сочетание это осуществляется через выработку концепций.

Основные внешнеполитические концепции.

Интенсивный поиск новой внешнеполитической доктрины сопровождался потребностью не только сформулировать ее, но и представить мировому сообществу. Первая попытка сделать это была предпринята в выступлении президента России Б. Ельцина на специальном заседании Совета Безопасности ООН, состоявшемся 31 января 1992 г. Этому документу предшествовало специальное Послание Б. Ельцина Бутросу Гали, Генеральному секретарю ООН, которое интересно и важно по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, в нем содержится изложение основных направлений политики в области сокращения вооружений и разоружения - вопросам чрезвычайно важным для всего мира: стратегических наступательных вооружений, тактического ядерного оружия, противоракетной обороны и космоса, запрещения испытаний ядерного оружия и запрещения производства расщепляющихся материалов для целей оружия, нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, обычных вооружений, химического оружия, биологического оружия, оборонных бюджетов, конверсий военного производства.³⁸

Во-вторых, в Послании Генеральному секретарю ООН содержится важное для наших дальнейших размышлений и выводов объяснение роли России в поддержании и укреплении международного мира и безопасности. "Расположенная на стыке Европы и Азии, на территории, являющейся прародиной многих народов нескольких континентов, - говорится в рассматриваемом документе, - Россия обязана выполнить наконец свою уникальную историческую миссию - стать связующим звеном между Востоком и Западом"³⁹. (подчеркнуто мною - Я.П.).

Послание Б.Ельцина Бутросу Гали, важное само по себе, было дополнено выступлением российского президента на заседании Совета Безопасности, состоявшемся 31 января 1992 г. В этой речи, произнесенной перед главами государств и правительств 15 стран - членов СБ, Б.Ельцин предложил преобразовать программу Стратегической оборонной инициативы (СОИ) в международный проект с учетом технологических разработок оборонного комплекса России. В результате на свет должна была появиться глобальная система космической защиты. Заявив, что Россия рассматривает США и другие западные государства не только как партнеров, но, скорее, как союзников, президент России выдвинул целый ряд инициатив. Он, например, предложил создать механизм быстрого реагирования, который мог бы быть оперативно задействован Советом Безопасности ООН в любом районе планеты, где возникает угроза миру и стабильности. "Мы, - говорил Б.Ельцин

на заседании СБ, - исключаем какое-либо подчинение внешней политики идеологическим доктринам, ее самодовлеющий характер. Наши принципы просты и понятны: главенство демократии, прав и свобод человека, законности и нравственности" ⁴⁰ . Обеспечение всей совокупности прав и свобод человека, включая политические и гражданские права, достойные социально-экономические и экологические условия жизни людей, президент России отнес к безусловному приоритету страны.

Говоря о речи Б.Ельцина в Совете Безопасности, хотелось бы обратить внимание на один спорный момент. " Один из парадоксов истории, - говорил президент, - состоит в том, что Российское государство, Российская Федерация - государство с многовековым опытом внешнеполитической деятельности и дипломатии - только что появилось на политической карте мира"⁴¹ .

Спорность этого утверждения состоит в том, что оно отрицает наличие российского стержня в СССР, в то время как в действительности Россия всегда была несущим каркасом большой державы.

* * *

Выступления Б.Ельцина на Совете Безопасности ООН, а затем через две недели в Российском парламенте, также как внешнеполитическая активность других видных представителей исполнительной власти, подвигли к внешнеполитической тематике и руководителей законодательной власти. Речь идет прежде всего о Хасбулатове Р.И., Председателе Верховного Совета России. Уже в конце февраля 1992 г. он выступил в МГИМО на научно-практической конференции "Преображенная Россия в новом мире"⁴² . Хотя многое из того, о чем говорил в своей речи Р.И.Хасбулатов, либо совпадает, либо перекликается с тем, что утверждалось иными руководящими деятелями страны или внешнеполитического ведомства, в ней были и свои, особые моменты. Они заключались прежде всего в акцентации тех направлений внешней политики России, которые были традиционными для СССР в прошлом: это направление Центральной и Юго-Восточной Европы, т.е. страны, входившие в свое время в СЭВ и ОВД, и направление Арабского Востока, Азии и Африки.

В остальном же внешнеполитическая концепция, предложенная Председателем Верховного Совета России, была созвучна концепции МИДа. Обе исходили из отказа внешней политики:

- от идеологизированной биполярности, т.е. от привычного деления мира на две противостоящие мировые общественные системы;
- от преимущественной опоры на военную силу как средство внешней политики;
- от априорного восприятия любой нашей инициативы как эпохальной. ⁴³

В марте 1992 г. в Верховном Совете, как и в МИДе, в качестве одной из центральных задач внешней политики и дипломатии видели способствование "формированию в России дееспособной, динамично развивающейся экономики", а также

"помощь национальной промышленности, национальному предпринимательству в целом в выходе на внешние рынки".⁴⁴

По мнению Хасбулатова, этот аспект традиционно был одним из слабых мест во внешней политике СССР. Таким он остается и в современной внешней политике России. Не очерчена четко и система внешнеполитических приоритетов. "Приоритет в наших отношениях с внешним миром, - говорил Председатель Верховного Совета России, - должен отдаваться тем государствам, развитие отношений с которыми позволит нам наиболее оптимальным образом в соответствии с долгосрочными общественными и государственными интересами создавать реальную государственную мощь"⁴⁵.

Сравнение этого тезиса с тем, который отстаивают в нынешнем правительстве России и в том числе в МИДе, показывает, что принципиальной разницы между первым и вторым нет. Важность отношений с США, странами Европейского Сообщества, Японией, Китаем, Индией, Турцией и целым рядом других государств никто, в том числе Верховный Совет России, никогда не ставил под сомнение. Но при всей значимости отношений с этими государствами, говорится в докладе Р.И.Хасбулатова, они "не должны заслонять от нас отношений с государствами на территории бывшего Союза, с государствами Центральной и Юго-Восточной Европы"⁴⁶. Геополитические соображения и экономические интересы требуют, по мнению бывшего российского спикера, тесных связей и с Арабским Востоком, а также с Азией и Африкой.

В условиях радикального снижения порогов военного противостояния СССР-США более предпочтительными и приоритетными становятся отношения с государствами - членами СНГ, а также с государствами, граничащими с СНГ. Такой подход в определенной мере совпадает с подходом А.Козырева и его рассуждениями о горизонтальных и вертикальных направлениях внешней политики России. Речь о них пойдет ниже.

Общий вывод, который делает Р.И.Хасбулатов в своем докладе и против которого едва ли можно что-нибудь возразить, был сформулирован следующим образом: "Каким бы ни было наше стремление стать вровень с развитыми странами, не миновать нам на этом пути этапов постепенности"⁴⁷.

Исходя из того, что "внешняя политика страны прежде всего определяется Президентом страны", выражая поддержку этому курсу, российский спикер подчеркивал, что "Верховный Совет призван вносить ощутимый вклад в формирование внешней политики государства и осуществлять действенный демократический контроль за деятельностью ведомств, участвующих в проведении внешней политики России, в необходимых случаях вносить коррективы, давать оценку тем или иным дипломатическим акциям или отсутствию таковых"⁴⁸.

* * *

Несмотря на заметное сходство концепций Российского МИДа и Верховного Совета, в их подходах к внешнеполитической сфере есть и значительные различия. О

некоторых из них уже говорилось выше. Особенно заметными эти различия были в тот момент ⁴⁹, когда Российский МИД действовал преимущественно на западном, в основном американском направлении. Очевидно, именно поэтому А.Козырев и его сподвижники были названы "атлантистами". Эта группа выступала за максимальное и быстрое сближение с Западом, установление союзнических отношений с США ⁵⁰. Другая группа, наоборот, призывала к дистанцированию от Запада и сохранению в своей основе традиционной советской внешнеполитической доктрины.

По мнению некоторых исследователей, к числу которых отношусь и я, ни первая, ни вторая группа не отстаивает правильные позиции. Прежде всего потому, что едва ли разумно и целесообразно сохранять верность высокозатратной (в силу своей конфронтационности) и поэтому не очень эффективной старой внешнеполитической доктрине. Но даже если бы кто-то серьезно пожелал бы вернуться в старое русло, ему не удалось бы это сделать. Во-первых, потому, что уже нет и не будет прежнего СССР, а значит уже нет и не будет тех главных целей и интересов, которые были характерны для его внешней политики. (Здесь следует оговориться, что речь идет о тех целях и интересах, которые вытекали из господствующей идеологии, а не о национально-государственных, которые могут и дублироваться). Во-вторых потому, что в последние годы мир и расстановка сил в мире, принципиальным образом изменились и уже одно это делает невозможным возврат к прежней доктрине. В-третьих, потому, что эта доктрина уже давно нуждалась в серьезном и глубоком реформировании. И это пришлось бы делать даже если бы существовал прежний Союз ССР. Более того, это уже делалось в последние годы его существования.

Все это, конечно, не значит, что между новой и старой концепцией не должно быть сходства или преемственности. И оно, конечно, есть и будет.

Что же касается позиций тех, кто стремится к максимальному и быстрому сближению с Западом, то она, на мой взгляд, не менее идеалистична, чем предыдущая. Чтобы сближение состоялось, желания одной стороны, конечно, недостаточно. И тут мы обнаруживаем, что если стремление России достаточно искренне, то у Запада (во всяком случае не у всех западных стран) нет особого желания *сближаться* с ней. В то время как у российского стремления к сближению есть немало причин, особенно экономического и технического характера, у Запада этих причин не так много. Его цель сделать Россию безопасной для всего мира и прежде всего для себя, можно утверждать, в основном достигнута. Особенно если иметь ввиду прекращение "холодной войны", гонки вооружений и принципиальные перемены во внутренней и внешней политике России. Хотя можно считать, что угроза безопасности Запада заметно снизилась, она, тем не менее, не исчезла совсем. А в каком-то смысле даже возросла. Вот такой парадокс: с одной стороны снизилась, а с другой - возросла. Снизилась потому, что мир активно разоружается, развивает партнерские отношения и т.д., а возросла потому, что в ситуации распада страны и острейшей политической борьбы различных ветвей власти и т.д. и т.д., опасность,

исходящая от российского ядерного оружия, равно как от наших АЭС, химических производств и т.п., резко повышается. Лелея розовые мечты о ликвидации коммунистической советской империи, опасной не только из-за своей сверхвооруженности, но и из-за идеологического экспансионизма, Запад, скорее всего, предполагал, что, когда эта цель будет достигнута, безопасность его заметно возрастет. Думаю он был немало удивлен, когда выявилась иная картина. Сейчас ему приходится прилагать огромные усилия и затраты к тому, чтобы процесс разоружения (особенно ядерного) в бывшем СССР проходил как можно более безболезненно и безопасно для мира.

Тем не менее, есть все основания считать, что значительное снижение ядерного паритета делает мир не только безопаснее для жизни, но в конечном счете высвободит немалые ресурсы, так необходимые для решения проблем современной цивилизации. Именно поэтому курс на разоружение, переход к доктрине разумной оборонной достаточности, к отношениям партнерства и сотрудничества - безусловно, приведет к резкому снижению уровня противостояния и потому это верные направления в международной политике, адекватные времени и ситуации.

* * *

Названные выше и другие направления внешнеполитической деятельности нашли отражение в документе "Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации", утвержденном распоряжением президента России Б.Е.Ельцина в 20 числах апреля 1993 г. В подготовке этого документа участвовала группа высококвалифицированных экспертов от МИДа⁵¹, МВЭС, Министерства обороны, Службы внешней разведки, аппарата Совета безопасности, Российской безопасности и двух комитетов Верховного Совета - по международным делам и внешнеполитическим связям, а также по вопросам обороны и безопасности. Руководил этой работой председатель Межведомственной внешнеполитической комиссии Совета безопасности Юрий Скоков. Документ прошел всю процедуру согласования и утверждения в рамках нового механизма подготовки и принятия внешнеполитических решений. Он был одобрен Межведомственной внешнеполитической комиссией и утвержден на заседании Совета безопасности страны.

Концепция, по утверждению В.Чернова, заместителя начальника Управления стратегической безопасности Совета безопасности РФ, ориентируется не на идеологические установки или пристрастия тех или иных сил в российском обществе, а "на жизненно важные интересы страны и ее граждан".⁵²

В числе этих интересов - "обеспечение процессов формирования государственности Российской Федерации и защита ее территориальной целостности; создание условий, обеспечивающих стабильность и необратимость политических и экономических реформ; активное и полноправное участие России в строительстве новой системы международных отношений, в которой ей было бы обеспечено достойное место".⁵³

Исходя из этих интересов, документ, утвержденный Советом безопасности РФ, определяет систему внешнеполитических приоритетов. На первый план вынесены отношения с бывшими союзными республиками. В связи с этой сферой деятельности принципиальное значение имеет тезис о том, что интересам России отвечает проведение курса на достижение максимально возможной степени интеграции бывших союзных республик во всех областях их жизнедеятельности на принципах строгой добровольности и взаимности. В случае неготовности какой-либо из бывших союзных республик к сотрудничеству в определенных сферах, необходимо развивать взаимодействие лишь с заинтересованными странами.

Особое значение в документе уделяется развитию сотрудничества в военно-политической сфере в целях создания эффективной системы коллективной безопасности, а также обеспечению статуса России как единственной ядерной державы в СНГ, укреплению внешних границ Содружества, сохранению военной инфраструктуры и объектов, составляющих целостную систему обеспечения военной безопасности членов Содружества. Важное значение придается также развитию и совершенствованию миротворческого механизма в рамках новой интеграции с участием России, в том числе на основе мандата ООН или СБСЕ.

Другим приоритетным направлением внешней политики России, как отмечается в документе Совета Безопасности, должны быть отношения со странами Восточной Европы, которые находятся в исторически сложившейся сфере интересов России. В концепции рекомендуется содействовать закреплению достигнутых сдвигов на пути восстановления взаимного доверия, развития системы экономических и иных связей, нарушение которых наносит ощутимый ущерб всем вовлеченным в них сторонам.

К следующей сфере внешнеполитической деятельности России документ относит ее отношения со странами Западной Европы. "Эти отношения, - пишет В.Чернов, - являются определяющими с точки зрения вхождения нашей страны в формирующееся на континенте экономическое и политическое пространство, ядром которого выступает Европейское сообщество. Интеграция Европы без России может нанести серьезный ущерб жизненно важным интересам Российской Федерации".⁵⁴

Отдельный раздел основ концепции посвящен российско-американским отношениям. Объективной базой для их развития, по мнению авторов концепции, является взаимная заинтересованность в формировании стабильной и безопасной системы международных отношений.

В азиатско-тихоокеанском регионе внешнеполитические приоритеты России включают развитие сбалансированных и стабильных отношений со всеми странами, особенно с такими ключевыми как США, Китай, Япония и Индия. Наиболее важным в геополитическом и экономическом плане государством региона, судя по концепции, является Китай.

Линия России в отношении государств Южной и Западной Азии определяется экономической значимостью региона, в том числе и по степени непосредственного воздействия на обстановку в СНГ, в первую очередь на страны Средней Азии и Закавказья. Главными задачами на этом направлении являются скорейшая ликвидация очагов напряженности к югу от границ России, нормализация обстановки в Афганистане.

Урегулирование арабо-израильского конфликта и создание многосторонней системы безопасности в регионе - уже достаточно традиционные направления внешнеполитических усилий России (а в недавнем прошлом и СССР) на Ближнем Востоке. Но в этом регионе ставятся и новые задачи: повышение роли России в урегулировании проблем вокруг Ирака, усиление российского присутствия на региональном рынке вооружений и сырья.

Что касается Центральной и Южной Америки, Африки, Австралии и Океании то, как отмечается в концепции, политический курс России в отношении этих регионов мира должен оставаться в рамках общих усилий мирового сообщества по разблокированию региональных конфликтов.

Таковы основные положения новой российской внешнеполитической концепции, утвержденной Советом безопасности РФ в апреле 1993 г. Но это всего лишь каркас, на котором должна строиться гибкая и энергичная внешняя политика, понятная для граждан страны и мирового сообщества, способная получить поддержку со стороны основных политических сил страны.

Прошло менее года и в специальном Послании Президента РФ Федеральному собранию от 24 февраля 1994 г. "Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)" была сформулирована концепция, которая во главу угла внешней политики 1994 г. поставила отношения с новыми независимыми государствами России, всемерное развитие СНГ.

Определенное внимание в Послании было уделено также следующим проблемам: укреплению ООН; развитию отношений со странами "большой семерки"; строительству большой Европы, мирной, единой, демократической; развитию СБСЕ; нерасширению НАТО без России; активизации усилий по формированию новых отношений с государствами Центральной и Восточной Европы. В Послании ставилась также задача использовать новые задачи для развития сотрудничества с ведущими государствами Азии : Индией, Японией и с новыми партнерами: Южной Кореей, странами АСЕАН, Персидского залива. Качественно иной уровень предполагалось придать связям с такими перспективными регионами, как Латинская Америка и Африка⁵⁵.

При определенной разнице между приоритетами, сформулированными в документе, утвержденном Советом безопасности РФ и в Послании Президента, их основные положения в целом совпадают. Это говорит, в первую очередь, о том, что в последние годы у исполнительной власти России появилось достаточно ясное представление об основных

аспектах внешнеполитической доктрины страны. (Вопрос о ее адекватности я оставляю пока в стороне).

Такой вывод подтверждается и выступлением Б.Ельцина на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 1994 г. Хотя в ней по понятным причинам особое внимание уделялось международной политике вообще и повышению роли ООН в частности, собственно внешней политике России, особенно по отношению к ближнему зарубежью, было также уделено немало внимания⁵⁶.

Некоторые идеи о современной внешней политике России.

Осмысление содержания изложенных выше положений внешнеполитических доктрин России наводит на следующие размышления и выводы.

Первое размышление связано с неясностью содержанием государственных и национальных интересов новой России. Они трактуются различными политическими силами по-разному и явно нуждаются в идентификации и сформулировании.

Признавая, что они еще не определены на государственном уровне, новые социал-демократы в лице Е.Шапошникова предлагают следующую их интерпретацию." Если привести к общему знаменателю интересы многонациональной и многострадальной России. - Утверждает он, - то их можно сформулировать примерно так: свобода, солидарность, справедливость, стабильность, безопасность, смешанная экономика, все формы собственности, сильные, но демократические государственные институты, эффективная социальная политика, законность и порядок, умеренная, четкая, но твердая внешняя политика, истинный федерализм, недопущение крайностей в политической борьбе и т.п."⁵⁷.

Оценивая эти идеи Е. Шапошникова, надо признать, что они весьма абстрактны, особенно в части внешней политики, и приложимы к любой стране. Кроме этого недостатка они страдают еще тем, что не учитывают особенности страны и ее современного состояния.

На мой взгляд, современные национальные и государственные интересы России состоят, во-первых, в том, чтобы возродить экономику, но на принципиально новой основе - на основе экономического плюрализма и рыночных отношений. Учитывая исторические особенности нашей страны в этой области, следует добавить, что большую, вероятнее всего, даже преобладающую роль будет играть государственный сектор экономики и государство как регулятор экономических процессов.

Во-вторых, в том, чтобы создать новую, подлинно демократическую политическую систему. Если опять-таки не забывать об особенностях России, надо будет добавить, что особо актуальной задачей в этой области является прежде всего создание местных или низовых демократических органов власти. Невысокая политическая культура населения, к тому же узко ориентированная на личности мешает формированию действительно

независимых органов власти на местах. А отсутствие прочной финансовой базы не позволяет им выполнять ключевые для них задачи.

В области внешней политики - национально-государственная задача России состоит прежде всего в том, чтобы интегрироваться в развитый мир, сохранив при этом свою духовную основу.

Следующее соображение о современных национальных и государственных интересах России касается ее взаимоотношений с бывшими союзными республиками и, если быть более конкретным, то того какой должна быть степень их интеграции в рамках СНГ? На мой взгляд, речь прежде всего должна идти о максимально эффективной интеграции, в том числе в политической и даже внешнеполитической областях. В обозримом будущем степень этой интеграции республик в различных областях не может быть ни одинаковой, ни однотипной. Центробежные процессы зашли так далеко, что в отношениях с каждой из стран СНГ России потребуется свой особенный уровень интеграции. И пока все страны СНГ не пройдут этот мучительный для них и для всего содружества процесс, трудно будет надеяться на то, что они всерьез задумаются об общей однотипной интеграции на более высоком уровне. Кроме этого, странам СНГ надо определиться, какие сферы их отношений являются наиболее приоритетными. На мой взгляд, это экономическая и военная. В этих сферах степень их интеграции должна быть максимальной.

С учетом сказанного, можно сформулировать и некоторые другие идеи и современной внешней политике России, исходя из состояния страны и тех задач, которые она перед собой ставит, и учитывая международную ситуацию. Наша дипломатия должна, с одной стороны, сделать все возможное, чтобы облегчить решение внутренних проблем страны, а с другой - чтобы выработать и реализовать новую, адекватную времени внешнеполитическую доктрину, учитывающую особенности страны и основанную на идее открытости миру.

Кроме этой цели перед дипломатией России стоят и другие. Если исходить из них, то, как мне представляется, внешняя политика России должна преследовать те цели, о которых частично уже говорилось выше:

- способствовать тому, чтобы Россия была надежным, прочным мостом между Западом и Востоком, Европой и Азией и даже, вероятно, между Америкой и Азией;

- в нынешней ситуации перед Россией, как великой державой, на передний план выдвинулась цель, связанная с объективной и важнейшей для нее необходимостью создать жизнеспособное подлинное содружество бывших союзных республик, которые пожелают в нем участвовать. На мой взгляд, это должна быть конфедерация, пусть даже с различным уровнем членства. Думаю также, что в этой конфедерации будет существовать большая потребность не только в интеграции внешнеполитических действий, но и в давно назревшей самостоятельной внешней политике государств, входящих в него;

- весьма важной также будет цель защиты государственных и национальных интересов. Но в отличие от предыдущих лет заметно вырастет потребность защиты интересов частных лиц. Тем не менее, защита собственно государственных интересов России еще долго будет превалировать над другими аспектами ее внешнеполитической деятельности;

- перед внешней политикой России стоит, как я думаю, и другая непростая цель - ей надо становиться более демократичной. Не только в том смысле, что она должна полнее учитывать нужды россиян, а не только государственных структур, но и в том смысле, что она должна быть подконтрольной парламенту. Я не имею ввиду, конечно, повседневную бюрократическую слежку за деятельностью дипломатов со стороны депутатов, а имею ввиду контроль за соответствием внешнеполитической деятельности, сформулированным и утвержденным целям и задачам, интересам общества и государства.

Под большей демократичностью я понимаю также то, что к разработке внешнеполитической стратегии и тактике, а также ее реализации должно быть допущено большее число участников. И не только центральные ведомства, но, вероятно, и субъекты федерации;

- адекватный нашему времени учет военно-оборонительных интересов и стереотипа мышления - другая цель современной внешней политики России. Надо уходить от образа врага, от конфронтационного мышления и утверждать стремление к партнерству и взаимодействию в решении жизненно-важных для всего человечества проблем, к поиску общего языка и взаимопониманию.

Таковы, говоря в общем, некоторые идеи об учете особенностей России в ее внешней политике.

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВОЙ РОССИИ В ПРОГРАММАХ ПРЕДВЫБОРНЫХ БЛОКОВ,
ИЗБРАННЫХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ.**

12 декабря 1993 г. закончилась предвыборная борьба за депутатские мандаты в Федеральном Собрании России. Политологи и другие аналитики будут не раз скрупулезно и всесторонне разбираться в расстановке сил в этом парламенте, оценивать и и сравнивать программы предвыборных блоков как с точки зрения их адекватности российским реалиям, так и с позиций их исполнимости.

* * *

В стремлении привлечь на свою сторону как можно большее число избирателей все предвыборные блоки уделили основное внимание в своих предвыборных программах вопросам внутренней политики. Из-за важности этих вопросов для каждого россиянина именно на них следовало сосредоточивать внимание рядового избирателя. Международные проблемы волнуют не в такой мере, как внутренние.

Скорее всего, именно по этой причине предвыборные блоки уделили внешнеполитической проблематике либо незначительное, либо весьма формальное внимание. И с тактической точки зрения они, возможно, действовали правильно. Но если не забывать, что без внешнеполитической деятельности не обходится ни один парламент мира и ни одна политическая сила, претендующая на участие в работе центральных органов власти, отсутствие слабой разработанности внешнеполитических разделов программ российских предвыборных блоков может негативно сказаться на их практической работе.

Чтобы убедиться в обоснованности сказанного достаточно проанализировать программы некоторых из этих блоков.

Начну с блока "Женщины России".

"Укрепление международного авторитета России, развитие равноправного взаимовыгодного сотрудничества со странами СНГ, другими зарубежными государствами в интересах стабильности, мира и безопасности",- вот, собственно, и вся внешнеполитическая "концепция" этого блока.

У другого предвыборного объединения - *у Партии и российского единства и согласия* (ПРЕС) внешнеполитическая часть программы несколько пространнее и продуманнее, чем у предыдущего блока, но и она также весьма декларативна. ПРЕС, в частности, выступает за союз тяготеющих друг к другу народов бывшего СССР и Восточной Европы, за "максимальную интеграцию новых независимых государств на основе международного права, при уважении интересов и достоинств всех народов", за развитие в рамках СНГ " конфедеративных отношений". "Партия, - говорится в предвыборной программе ПРЕС, - будет добиваться проведения внешней политики России, одинаково активной и строящейся на единых принципах по всем азимутам, обеспечивающей максимальное использование преимуществ нашего геополитического положения, основанной на долгосрочных и выверенных национальных интересах. Внешняя политика России, как считает ПРЕС, должна быть политикой великой мировой державы.

Утверждая, что "Россия останется активным и влиятельным участником мировой политики", ПРЕС полагает, что страна должна рассчитывать на собственные силы и исходить из собственных национальных интересов.

Святой обязанностью российского государства эта партия считает "защиту прав всех российских граждан за пределами России".

К сожалению, из предвыборной программы ПРЕС не ясно, какой целью - стратегической или ближайшей является установление конфедеративных отношений в рамках СНГ. Если стратегической, то с большим знаком вопроса с этим можно согласиться, но если ближайшей, то такая задача на данном этапе является совершенно нереалистичной.

Не ясно также, о каком союзе "тяготеющих друг к другу народов бывшего СССР и Восточной Европы" ведет речь ПРЕС. Если имеется ввиду экономический союз типа безвременно ушедшего в историю СЭВа, но на новой, равноправной основе и с новым

качеством отношений, то это оправданно, к этому стремиться надо. И можно надеяться на интерес и ответные действия другой стороны. Но если имеется ввиду политический или военный союз, то это на данном этапе иллюзия и утопия. Хотя бы потому, что после долгих лет "братского" сотрудничества, а вернее - чуть ли не полной зависимости от Москвы, эти страны с надеждой смотрят на процветающий Запад. И несмотря на то, что появились уже признаки усталости от ожидания, Восточная Европа надежды не теряет. И прежде всего на то, чтобы войти в НАТО. Последние решения этого блока, принятые вопреки нашим протестам, только укрепили Восточную Европу в надежде, что вопрос все же будет решен в их пользу. Из этого вытекает, что, несмотря на длительные исторические связи, нынешняя слабеющая Россия не может ни сейчас, ни в предстоящие годы рассчитывать на политический и тем более военный альянс со странами ЦВЕ. Но на экономический рассчитывать все же можно и еще раз повторю, стремиться к нему надо.

Следующее замечание касается утверждения авторов программы ПРЕС о том, что внешняя политика России должна быть политикой "великой мировой державы". Едва ли можно найти такого россиянина искренне любящего свою Родину, который не хотел бы, чтобы Россия играла такую роль. Но если вкладывать в понятие "великая мировая держава" не только географический и военный смысл, надо будет признать, что возникает все больше причин ставить под сомнение способность России быть таковой. Не только устойчивое ослабление экономической мощи, но и неспособность определиться с внутренними политическими и национальными проблемами, дают повод задуматься над этим вопросом, как бы обидно и горько это не звучало.

Известно, что активная международная роль любой страны основывается не только на прочном экономическом фундаменте, но и внутренней политической стабильности. Иначе говоря, у великой мировой державы должен быть прочный тыл, твердая почва под ногами, которая позволяла бы ей играть свою роль без оглядки на внутренние неурядицы.

Похоже, что именно из этого исходила *Демократическая партия России*, заявляя в своей предвыборной платформе: "Внешняя политика должна обеспечивать реализацию наших экономических интересов". По убеждению ДПР, "политическое влияние России следует направить на усиление позиций наших предприятий на зарубежных рынках, наращивание экспорта, снятие дискриминационных барьеров, укрепление торгово-экономических связей"⁵⁸.

Как и многие другие, внешнеполитическая программа ДПР не обошла своим вниманием и тему СНГ. Построение интеграционных отношений в рамках этого Содружества партия относит к первому кругу своих интересов. Но на этом, собственно говоря, и заканчивается внешняя политика ДПР.

Еще скромнее выглядит внешнеполитическая часть предвыборной программы *Аграрной партии*. "Считаем необходимым изменить отдельные аспекты внешнеэкономической политики государства. последовательно сокращать импорт продуктов

питания..."- вот и вся внешняя политика Аграрной партии, если процитированное так можно назвать.

* * *

Совсем иную картину видишь, когда обращаешься к программам тех партий, которые набрали основное число мест в парламенте.

Блок "*Выбор России*", предлагая избирателям свою программу, явно исходил из обнародованной еще весной 1993 г. внешнеполитической доктрины России. Речь о ней уже шла выше.

В программе "Выбор России" мы находим многое из того, что входит в официальную внешнеполитическую доктрину России и что А. Козырев настойчиво отстаивает с самого начала своего министерского пути. Тут и хорошо известный тезис о том, что "мы считаем естественными партнерами и союзниками России развитые демократические страны", что "мы считаем весьма полезным участие России в общей с Западом системе безопасности", что "Россия, несомненно, заинтересована в поддержании тесных отношений в сфере безопасности с нашими ближайшими соседями - странами СНГ" и т.д.

Хотя во внешнеполитической платформе появились новые моменты (более ясной и детализированной стала, например, политика в отношении ближнего зарубежья), общая направленность доктрины сохранилась в целом неизменной. И эта направленность в своей сути вполне соответствует общему, т.е. либерально-демократическому духу предвыборной программы "Выбора России". Именно в этой направленности - главный недостаток всей программы "выбора России" и ее внешнеполитической части в том числе. Между тем, как бы нам не хотелось как можно скорее присоединиться к либерально-демократическому миру и стать на него похожим, в обозримом будущем это не произойдет. Не только потому, что путь к этому долог и тернист, но главным образом потому, что особенности России и менталитет ее народа не позволяет это осуществить. Если исходить из этого, общий курс "Выбора России" и в том числе ее внешнеполитический курс являются неверными и по сему неизбежно должны обанкротиться. Судя по событиям 1993 года и результатам выборов в Думу, сопротивление этому курсу постоянно возрастает и принимает новые, все более острые формы. Полагаю, что и в новом парламенте это сопротивление будет большим и быстро усиливающимся, в том числе в области внешней политики.

Прямую противоположность всем другим программам представляет собой внешнеполитическая часть программы ЛДПР непонятно почему называющей себя "умеренно консервативной"⁵⁹. Ее главная особенность - агрессивность, более того открытая воинственность, которая не свойственна ни одной другой программе. Снова прошу читателя рассудить самому. "Мы,- говорил лидер ЛДПР г-н Жириновский, представляя программу партии "Российской газете",- противники оказания какой-либо помощи в любом регионе за пределами России. ... Мы - за усиленный экспорт оружия за рубеж. Мы за то,

чтобы не участвовать в блокаде тех стран, которые нам должны, например, Ливия, Ирак, или же тех стран, которые нам близки по духу, ... Надо сосредоточить усилия в южном направлении - Турция, Иран, Афганистан, Кавказ, Средняя Азия. ... С Америкой следует поддерживать обычные отношения, помнить, что это наш главный конкурент, не заинтересованный в процветании и могуществе России.

Надо уделить должное внимание развитию космоса, отдельных видов вооружения с тем, чтобы обеспечить выполнение задач внешней политики России"⁶⁰.

Многочисленные заявления г-на Жириновского, широко обнародовавшиеся как до, так и после выборов, его угрозы (например, в адрес Японии и Германии) применить ядерное оружие, если они будут вмешиваться во внутренние дела России⁶¹ в полной мере раскрыли карты этого политика.

Хотя процитированного более чем достаточно, чтобы увидеть всю опасность планов российских "либеральных демократов", сошлюсь, тем не менее, еще на один источник - на интервью В. Жириновского газете "Известия". Справедливо отмечая в нем, что Россия должна "позаботиться о своих геополитических интересах", лидер ЛДПР далее говорит: "Почитайте мою книгу "Последний бросок на юг" - там все сказано." Что же там сказано? Задача России, ее рок, ее судьба, ее подвиг - выход к берегам Индийского океана и Средиземного моря. В этом, т.е. в завоевании, покорении, подчинении России Афганистана, Ирана, Турции автор книги и видит смысл "последнего броска на юг". При этом Жириновский самоуверенно утверждает, что "мировое сообщество само нас об этом попросит". Очень в этом сомневаюсь! И те многочисленные протесты, которые уже посыпались со всех сторон, нагляднее всего об этом свидетельствуют.

К сказанному хочется добавить, что удивляют не столько заявления лидера ЛДПР, сколько та массовая поддержка, которую он получил со стороны электората. Видимо, только отчаяние и безысходность толкнули народ, чью судьбу неоднократно в этом столетии перепахивали жесточайшие войны, на то, чтобы проголосовать за человека, открыто призывающего к мировой бойне. Уже одно это должно побудить нынешних российских лидеров задуматься над тем, верна ли их политика.

С учетом вышесказанного наиболее взвешенной и адекватной внутренним и международным условиям представляется внешнеполитическая часть программы предвыборного блока: Явлинский-Болдырев-Лукин (ЯБЛоко).

Специальный раздел программы посвящен отношениям в рамках СНГ и это совершенно оправданно. Заявляя, что эта сфера - приоритет российской внешней политики, ЯБЛоко отмечает далее, что цель блока - "всесторонняя (экономическая, культурная, оборонная) интеграция бывших союзных республик, исключительно на добровольной основе".

Программа ЯБЛока не упустила из виду ни одно сколько-нибудь важное направление внешнеполитической деятельности новой России. Справедливо отмечая, что "внешняя

политика новой России должна быть максимально прагматична", ЯБЛоко акцентирует внимание на том, что "геополитическое положение России требует равноценного внимания российской внешней политики Европе, США, Центральной и Южной Азии, Дальнему Востоку." Программа четко формулирует принципы внешней политики страны, ее цели, первоочередные и долгосрочные задачи. Особые усилия российской дипломатии, как считает ЯБЛоко, должны быть направлены на:

- формирование внешнеполитической поддержки для экономических преобразований в стране;

- продвижение российских товаров и услуг на внешних рынках, интеграцию нашей экономики в мировое хозяйство на равноправной, взаимовыгодной основе.

В рамках своей общей стратегии ЯБЛоко выступает за партнерство с Западом, но на основе трезвого баланса интересов и возможностей обеих сторон. "Наши интересы, - говорится, в частности, в программе,- во многом совпадают. Существующие расхождения, определяемые спецификой геополитических интересов, национальными и культурными традициями, естественны и не носят антагонистический характер. Преодолеть их можно и нужно исключительно путем политических консультаций, разъясняя и отстаивая собственную позицию". (см. специальный выпуск экологической газеты "Дом природы").

Хотя внешнеполитическая часть программы Коммунистической партии РФ (КПРФ) не столь обширна и разработана, как у "Выбора России" и ЯБЛока, она, тем не менее, у нее есть. Наглядное представление об этом дает в первую очередь статья председателя ЦИК КПРФ Г.Зюганова, опубликованная в "Правде" 10 декабря 1993 г., т.е. непосредственно накануне выборов. Статья, безусловно, концептуальная. Оценивая ее в целом, следует прежде всего отметить, что лидер российских коммунистов по-новому взглянул как на прошлую, так и настоящую и будущую внешнюю политику России. Но от классового подхода и идеологических шор он так и не смог отказаться. Это проявляется хотя бы в оценке тех важнейших факторов, которые характеризуют сегодняшние международные отношения. Наряду с другими двумя Г.Зюганов говорит и о таком факторе, как начало практической реализации планов по установлению "нового мирового порядка", предусматривающего по сути введение планетарного режима политической, экономической и военной диктатуры Запада во главе с США. Доказательству этого тезиса автор посвящает немало строк, указывая и на то, что "рассматривается несколько вариантов использования России в создании "нового мирового порядка". Первый из них, как считает Г.Зюганов, состоит в том, чтобы "все более вовлекая Россию в орбиту своей политики, превратить ее в сырьевой и интеллектуальный придаток США, что позволит американцам оказаться в конкурентной недостижимости для быстро набирающих вес Германии, Японии и Китая." Есть, конечно, и второй вариант, еще более драматичный. И одному и другому следует, разумеется, противопоставить достаточно жесткую внешнеполитическую линию России, которая ясно выражена в предлагаемой Г.Зюгановым новой доктрине. Она довольно

пространна, глубоко эшелонирована и поэтому нуждается с специальным анализе и сопоставлении с внешнеполитическими доктринами СССР. В ней, бесспорно, есть и новые для коммунистов подходы. Предлагается, в частности, чтобы новая доктрина вобрала в себя "все ценное, что было в международной деятельности как дореволюционной России, так и Советского Союза". "Отказ от чрезмерной заидеологизованности, характерной, в частности, для советского периода, и связанных с ней порой необоснованных геополитических притязаний" - также считается необходимым элементом новой внешней политики России.

В доктрине, предлагаемой Г.Зюгановым, немало и других новаций, но хватает и старых подходов, списанных с советской внешней политики. И именно в этом ее главный недостаток. А ведь речь может и должна идти только о внешней политике новой России.

* * *

Отмечая как достоинства так и недостатки вышеупомянутых внешнеполитических концепций, нельзя не сказать и о том, что некоторые актуальные внешнеполитические проблемы не упоминаются ни в одной из программ. Что же это за проблемы?

Речь идет, в частности, о том, что процессы интеграции, быстро развивающиеся и на Западе и на Востоке, по обе стороны российского гиганта, заставляют призадуматься о том, не опаздывает ли Россия и другие страны СНГ с созданием нового союза в собственных пределах. В связи с этим выскажу несколько слов о тенденциях последнего времени в пределах СНГ. На мой взгляд, они весьма негативны, особенно в свете итогов недавних парламентских выборов. Несмотря на оптимистические заявления членов Российского правительства, центробежные тенденции в Содружестве явно усиливаются и к тому же прямо пропорционально растущим между его членами противоречиями. Основная доля ответственности за это, как ни удивительно, лежит, на мой взгляд, на России. Как ни удивительно потому, что именно она должна быть больше других (или по крайней мере не меньше других) заинтересована в реинтеграции бывших союзных республик в единый союз и прежде всего, конечно, экономический союз. Однако на деле происходит обратное. Возьмем хотя бы историю с единой рублевой зоной. О чем она свидетельствует? Прежде всего о том, что Россия стремится защитить себя экономически. Это стремление оправданно и объяснимо. Но политические и иные (в том числе военно-стратегические и гуманитарные) аспекты при этом явно недоучитываются. Это, как я полагаю, приведет в конечном счете к потерям в экономической сфере. Вопрос межгосударственных отношений внутри СНГ - это для сегодняшней России вопрос самой большой и самой важной стратегии. Решая его, следует учитывать и прогнозировать развитие как можно большего числа аспектов, а не только экономического. Если же наши стратеги рассчитывают на то, что именно ухудшающаяся экономическая ситуация заставит бывшие союзные республики прийти к России с поклоном и просьбой принять под свое покровительство и помочь выбраться из

ямы кризиса, и что в этот момент можно будет продиктовать *свои* условия, то они, скорее всего, ошибаются. Главным образом потому, что ситуация в большинстве случаев, весьма вероятно, будет развиваться по иному сценарию. Не к слабеющей, нестабильной и непредсказуемой России могут прийти соседи, а к тем (например, к Турции или Ирану и т.д.), где привечают поласковее. При таком развитии событий нынешние экономические выгоды окажутся копеечкой по сравнению с тем рублем, который *придется* выложить хотя бы на перенос границ или изменение системы стратегической обороны, решение проблемы переселенцев и беженцев и т.д. и т.п.

Другой важной проблемой сейчас является достаточно быстрое возрождение, но уже на иной основе экономических связей стран Восточной Европы. Чем дальше, тем больше, это будет становиться все более проблематичным. Особенно в связи с их стремлением войти в НАТО.

Проблема НАТО стала в последнее время одной из важных и для России. Не случайно, что в одном из аналитических материалов Службы внешней разведки, обнародованном в "Независимой газете" и в некоторых других изданиях, идея вхождения России в НАТО подвергается сомнению. Вместе с тем, стали появляться и такие разработки, в которых утверждается, что сближение политики России и США в области обороны, стратегическое партнерство этих стран и возможно, и желательно⁶².

Вопрос с НАТО очень непростой, и над ним надо основательно поломать голову, прежде чем прийти к однозначному решению. На мой взгляд, пока мы не определимся со своими современными государственными и национальными интересами, с основным направлением и содержанием внутренней политики решать этот вопрос нельзя.

Кроме упомянутых есть еще одна проблема, в которой в последнее время также появились новые аспекты.

Российский гигант все еще привлекателен и как рынок сбыта товаров, и как источник сырья, как мост между Западом и Востоком, и мы можем и должны воспользоваться этой выгодной для нас ситуацией. Но нельзя думать, что страны по обе стороны проектируемого моста пойдут на какие угодно уступки. Для них возможны и другие варианты решения своих проблем. Усилия по созданию зон свободной торговли, предпринимаемые в последнее время странами Североамериканского континента, а также АТР свидетельствуют о том, что такие проекты уже претворяются в жизнь.

* * *

Каков же общий вывод из сказанного?

Прежде всего тот, что Россия вступает(если уже не вступила) в качественно новую полосу своего развития, которая, безусловно, наложит сильный отпечаток на ее внешнюю политику. В новой ситуации очень велика вероятность того, что именно внешняя политика станет объектом яростной и бескомпромиссной борьбы между парламентскими блоками.

ЧАСТЬ II.
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА НОВОЙ РОССИИ.

ЗИГЗАГИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НОВОЙ РОССИИ.

-

*Глава 1. Внешняя политика России в период с осени 1990 г.
по декабрь 1993 г.*

Внешняя политика новой России представляет собой сложный феномен. Кроме различных особенностей, которые делают ее принципиально иной по сравнению с внешней политикой дооктябрьской России и внешней политикой СССР, есть и другие обстоятельства, которые усложняют ее, если не сказать запутывают. Одним из таких обстоятельств является ее быстрая переменчивость. Наглядным подтверждением этому являются несколько весьма непродолжительных периодов, которые ясно вырисовываются при анализе последних четырех лет внешнеполитической деятельности России.

Первый период датируется осенью 1990 г. - августом 1991 г.⁶³ Его можно назвать периодом романтических иллюзий. Что отличает этот период? С одной стороны, все более возрастающая борьба против центральных союзных органов, стремление отвоевать свое место и отстоять свою суверенную роль. Хотя при этом роль центра и союзного МИДа и признавалась как главная и направляющая. С другой стороны, внешняя политика новой России только нарождалась на свет Божий и находилась в тени союзной. За все отвечал могучий Союз. Поэтому можно было строить планы, питать радужные надежды, иллюзии и пр. Тем паче, что люди, возглавлявшие российский МИД, были достаточно молодыми.

После августовских событий, чем дальше, тем больше акценты смещались в сторону повышения суверенной роли России. Наступил II-й период.

Этот период, длившийся с августа по конец декабря 1991 г., закончился, как известно, развалом СССР, политической суверенизацией входивших в него республик и, наконец, объявлением России правопреемницей Советского Союза.

Основной чертой внешней политики России следующего, III-го периода, длившегося около года, т.е. с декабря 1991 г. и по декабрь 1992 г. был "атлантизм" с упором на установление если не дружественной, то как можно более близких и доверительных отношений с США. В целом это был период "розовых надежд и инфантильных иллюзий" как в отношении Запада и прежде всего США, так и в отношении жизнеспособности народившегося в декабре 1991 г. СНГ.

В декабре 1992 г. к западному вектору внешней политики, который остался основным, прибавился восточный, и у российской дипломатии возникло стремление возродить свои утерянные позиции на Востоке. Определенная переориентация внешней политики России была вызвана, очевидно, и тем обстоятельством, что западное направление оказалось не столь плодотворным, как ожидалось в самом начале, а также объективными факторами - евразийским геостратегическим положением и сутью России, а также быстрым возрастанием роли АТР в мировой политике.

Наконец, после выборов нового парламента и утверждения новой Конституции 12 декабря 1993 г. во внешней политике России наступает очередной этап, пятый по счету⁶⁴, отличающийся от всех предыдущих прежде всего тем, что под новую, президентскую суть подведена конституционно закреплённая законодательная основа.

Другие главные отличия этого периода заключаются в смене "атлантизма" на "европеизм" и в заметном усилении азиатского вектора, особенно ближневосточного.

Таким образом, даже беглый анализ показывает, что весьма краткая история внешней политики новой России (всего четыре года: с осени 1990 г. до осени 1994 г.), подразделяется на качественно отличающиеся друг от друга этапы и характеризуется резкими колебаниями.

Н а ч а л о.

Попробуем разобраться в сущности обозначенных выше этапов поподробнее, начиная с осени 1990 г. Не с августа, когда произошел путч и не с декабря 1991 г., когда было объявлено о прекращении существования Союза ССР, а именно с осени 1990 г., когда начинался процесс разработки нового союзного договора.

Заметный рост стремления республик СССР к большей самостоятельности в своих внутренних делах сопровождался усилением их тяги к независимой внешней политике. Несмотря на огромные трудности: отсутствие базы, кадров, опыта и т.д., эта тяга крепла, как говорится, не по дням, а по часам.

По этой причине возникло совершенно новое для внешней политики СССР и России явление: потребность в налаживании и укреплении добрососедских отношений с республиками (а после декабря 1991 г. - независимыми государствами ближнего зарубежья), которые незадолго до этого были составными частями единого централизованного государства и беспрекословно подчинялись диктату центра.

Уставшие от долгого, нередко тягостного для них подчинения Москве, республики, получившие поначалу небольшую свободу, всеми силами пытались укрепить и расширить её, дистанцироваться от центра и установить собственные зарубежные связи. До декабря 1991 г. центр, как мог, препятствовал росту внешнеполитической самостоятельности республик, и это вело ко всё большему обострению их отношений с Москвой. Сказанное в

полной мере относится и к России, если, конечно, не идентифицировать её с самим центром, забыть о российском великодержавном характере центра, а считать её такой же союзной республикой, как другие. Во всяком случае, до декабря 1991 г. Россия вела себя также или почти также, как и другие республики и боролась с центром также, как они. Если задаться вопросом, была ли такая тактика правильной, я ответил бы категорично и однозначно: нет, не была. Это была, на мой взгляд, глубоко ошибочная линия поведения, не учитывавшая подлинную историческую роль России в формировании государства, которое долго называлось Российской империей, а потом СССР.

Борясь до обретения независимости против диктата центра, Россия, по моему мнению, боролась и против самоё себя.

Так или иначе, но в период с декабря 1990 г. по август 1991 г., до начала цепной и скоротечной реакции распада СССР внешнеполитическая стратегия России, по определению Владимира Лукина, тогдашнего председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по международным делам и внешнеэкономическим связям, России в США, заключалась в *отказе от стратегии глобальной и замене её на рационально-региональную*⁶⁵. Другая цель состояла в том, чтобы приблизить внешнюю политику к потребностям людей в контактах, обучении, обменах.

В региональном аспекте внешнеполитические интересы России лежали, по мнению В.Лукина, во-первых, в участии в строительстве "нового" европейского "дома", причём главным направлением для России в Европе являлась, конечно, Германия. Следующая сфера внешней политики Российско-азиатско-тихоокеанский регион (АТР): Китай, Япония, Америка - непосредственные соседи России.

"Цель России здесь, - как считал В. Лукин в феврале 1991 г., - обеспечить себе надёжную границу и максимально возможные деловые контакты."

Отвечая на вопрос о статусе России в обновлённом Союзе, В.Лукин высказывал мнение, что каждая республика, входя в его состав, должна была определить, какие полномочия она делегирует центру и какие задачи будет решать сама. При этом неизбежно должен был возникнуть орган, координирующий внешнюю политику новой федерации или конфедерации. Что касается России, то, по мнению В.Лукина, она должна была делегировать Союзу вопросы безопасности, но в её реализации она также должна участвовать, как должна участвовать в международных организациях, имея своего представителя в советской делегации. Вместе с тем предполагалось, что во многих международных делах Россия должна участвовать самостоятельно.

Примерно такие же или весьма сходные настроения доминировали и в других союзных республиках до августа 1991 г.. Однако в органах власти Союза, прежде всего в ЦК КПСС И МИДе намерения и планы заметно отличались от республиканских в пользу централизации.

Излишне говорить о том, что различные подходы и взгляды вызывали не только трения между республиками и союзном центром, но и серьёзные разногласия. Однако несмотря на явное противодействие центра, формировалась не только новая внешняя политика союзных республик, но и механизм их взаимодействия на общесоюзном уровне. На мой взгляд, это был наиболее оптимальный и наименее болезненный (как для республик, так и для мирового сообщества) вариант развития событий, адекватный переходному периоду, переживаемому бывшим СССР.

Совет министров иностранных дел СССР (СМИД) и союзных республик, образованный за несколько месяцев до путча и являвшийся основным координирующим органом советской внешней политики, начал регулярно обсуждать наиболее актуальные проблемы мировой политики и международных отношений.

При этом исходили из того, что союзный МИД будет нужен республикам в качестве координатора, помощника, посредника. "Нет более серьёзных задач у МИД, союзных органов, - говорил в сентябре 1991 г. Э.Шеварднадзе, - чем помощь республикам в реализации их суверенитетов на международной арене. Только через это можно прийти к сотрудничеству, только через это завоевать доверие друг друга. А соперничество - это гибель"⁶⁶.

Проработав несколько лет главой союзного МИДа, Э.Шеварднадзе считал его "интеллектуальным центром" и "общенациональным богатством", которым могут и должны пользоваться все республики.

Сходного мнения по вопросу о новой роли союзной внешней политики и МИДа придерживался и А.Бессмертных, находившийся на посту министра иностранных дел в течении нескольких месяцев до путча. Период эмоционального упоения политической независимостью быстро пройдёт, говорил он, и наступит - уже начался - период магнитного притяжения республик. Тем более, что без координации политики ни одна республика не поднимется на должный уровень, не приобретёт авторитета, адекватного её размерам и ресурсам.

Дезинтеграция республик СССР, как считал А.Бессмертных в сентябре 1991 г., носит временный характер.

Сменивший его на посту министра Б.Панкин также считал, что стратегия внешней политики будет вырабатываться Советом Министров Иностранных дел, в то время как коллегия МИДа станет своего рода исполнительным бюро.

Управление по связям с союзными республиками было решено преобразовать в Исполнительный секретариат СМИД, поставив во главе его заместителя министра. Кроме того создавался комитет постоянных представителей МИД республик при МИД Союза. Предполагалось, что это будут своеобразные послы, которые позволят оперативно координировать конкретную политику.

От августа до декабря 1991 г.

Определяя приоритеты внешней политики СССР после августовских событий 1991 г., Б.Панкин расставил их следующим образом:

1. Завершение деидеологизации внешнеполитических отношений страны;
2. Экономизация внешнеполитической деятельности: внешняя политика должна вращаться во внешнеэкономическую сферу, что предполагало всемерное подкрепление интеграции в мировую экономическую структуру;
3. Примат международного права над национальным. Сначала личность - потом государство. А не наоборот.

В число приоритетов было включено также полное запрещение тактического ядерного оружия и прекращение ядерных испытаний.

Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что в союзном МИДе складывалась и новая концепция внешней политики страны, и параллельно создавался механизм её реализации.

Развитие последующих событий прервало, хотя и драматический, но всё же в целом последовательный процесс реформирования унитарного советского государства.

Обвальная суверенизация республик, начавшаяся сразу после провала путча, (в период с 22 августа по 9 сентября о своей независимости объявили восемь республик; три прибалтийские республики сделали это раньше и 6 сентября 1991 г. Госсовет СССР признал их независимость) по существу привела к распаду не только единой страны, но и насильственному разрыву единого организма, пусть не совсем гармонично и пропорционально развитого, но всё же достаточно крепкого и стабильного.

Дезинтеграционные процессы, начавшиеся ещё до путча, получили в августе 1991 г. мощный толчок. Этот процесс, естественно, не мог не затронуть как внутреннюю так и внешнюю политику всех стран СНГ. Став суверенной, каждая страна начала спешно (к этому принуждала и ситуация) выработать свою собственную внутреннюю и внешнюю политику.

Первые послепутчевые месяцы наглядно показали, насколько велик был национальный, а также националистический потенциал в бывших союзных республиках и даже в России, подспудно сдерживавшийся многие десятилетия и моментально вырвавшийся наружу, как только обстоятельства позволили это сделать. Не стану далее развивать эту большую самостоятельную тему, но добавлю только, что национальные интересы союзных республик давно искали выхода и в международной сфере. Поэтому неудивительно, что вскоре после августовских событий страны СНГ поставили вопрос о принятии их в состав ООН и в другие международные организации, что затем и состоялось. Коротко говоря, революция в Советском Союзе заставила и его республики "определить собственные позиции во внешней политике". Так говорил А.Козырев спустя месяц после

путча и добавлял, что интересы внешней политики российского государства должны быть подчинены исторической задаче преобразования России "из опасного большого гиганта Евразии в участника западной зоны сопроцветания".

Призывая "учиться жить цивилизованно у более продвинутых членов демократического клуба", А.Козырев писал: "С прямым участием их экспертов на всех этапах следовало бы готовить и реализовывать совместные программы реформ как в области экономики, так и в сфере безопасности и конверсии"⁶⁷.

Отношения с бывшими и будущими союзными республиками, как считал Козырев в сентябре 1991 г., "целесообразно основывать на принципах, оправдавших себя в общеевропейском процессе, - нерушимость и открытость границ, права человека и национальных меньшинств, взаимовыгодное сотрудничество."

Для решения индивидуальных и ряда общих задач (разоружение, глобальное экологическое и экономическое сотрудничество, участие в Совете безопасности) суверенным республикам наряду с укреплением собственных дипломатических ведомств, как считал российский министр, было бы политически и экономически оправдано использовать механизм союзного МИДа и посольств СССР. Вместе с тем предлагалось передать большую часть штатов и функций этих союзных учреждений республикам, а всю их деятельность превратить из монополии центра в сферу совместной союзно-республиканской компетенции.

Российским интересам, по мнению Козырева, отвечал бы такой вариант, при котором республиканские представители были бы "необходимым дополнением объединённой дипломатической службы".

Сказанное говорит прежде всего о том, что после августа 1991 г. линия поведения республик претерпела ярко выраженные изменения. Стремление к укреплению суверенитета стало отчетливо проявляться и во внешнеполитической области. Можно считать, что это было если не началом зигзага, то по крайней мере существенно важным отклонением от традиционной внешнеполитической линии. Хотя речь всё ещё шла о том, что республиканские службы будут лишь дополнением объединённой дипслужбы, а не наоборот.

Через несколько дней, давая интервью политическому обозревателю "Известий" А.Бовину, нынешнему послу России в Израиле, А.Козырев уже по-иному расставил внешнеполитические акценты. (Интервью было опубликовано под красноречивым заголовком "Думать о своих интересах"). Каковы же эти акценты?

Разделение функций между центром и республиками должно вытекать из потребностей и конкретных реалий. Стратегические направления внешней политики должен определять союзный МИД. Он же призван выполнять координирующую функцию, прежде всего в решении проблем глобального характера. Двусторонние связи, особенно с соседними государствами, возьмут на себя республики.

А.Козырев высказался также против того, чтобы растаскивать по республикам союзные посольства, чтобы тактично координировать интересы и потребности союза и республик, вовремя создать эффективный механизм совместного принятия решений и сотрудничества.

Интервью министра иностранных дел России интересно и важно ещё в одном отношении. Приоритеты внешней политики он разделил по вертикали и горизонтали.

По вертикали. Уход от военных приоритетов к экономическим, к постановке в центр внимания интересов экономического возрождения России. Исходя из того, что "внешняя политика-это функциональный или обслуживающий инструмент политики", А.Козырев утверждал : в тех районах мира, где у России нет экономических интересов, она должна вести себя поскромнее. Поэтому приоритетными партнёрами нашей страны должны быть богатые, развитые страны, которые уже демократически и экономически состоялись. "Целеустановка идёт на США, Западную Европу, Японию",- говорил Козырев.

По горизонтали. Первый круг интересов России - суверенные государства, расположенные на территориях бывших союзных республик. Характер отношений с ними будет разный - и федеративные, и конфедеративные, и договорные.

Второй круг - Северное полушарие. Наши соседи - США, Япония, Корея, Китай, Восточная Европа.

Третий круг - страны более отдалённые: Россия - государства "третьего мира". По мере того как Россия будет вставать на ноги, она должна подключаться к международным программам помощи этим странам.

Так рассуждал А.Козырев в самом начале октября 1991 г. Но уже через три недели, в конце октября, тональность высказываний министра резко меняется. Он, по существу, отвергает им же самим ранее высказывавшийся тезис о координации интересов и потребностей союза и республик. "МИД СССР в его нынешнем виде, - утверждал он,- не отвечает ни интересам Российской Федерации и других республик, ни формированию обновлённого союза." Высказавшись за "передачу основных функций и профессионального аппарата МИД СССР союзным республикам", российский министр указал также на то, что за "союзным внешнеполитическим ведомством может быть сохранена лишь консультационно-координирующая роль при радикальном сокращении аппарата"⁶⁸.

Таким образом, в течении всего лишь двух месяцев Российский МИД и прежде всего его руководители преодолели дистанцию огромного размера: от признания за союзными внешнеполитическими институтами, прежде всего за МИДом, функций лидера и главного разработчика стратегии до утверждения, что за союзным МИДом "может быть сохранена лишь консультационно-координирующая роль, при радикальном сокращении аппарата". Что стояло за такой быстрой трансформацией? Какова была её внутренняя пружина? Об этом можно лишь высказывать предположения. На мой взгляд, основной пружиной трансформации была дезинтеграция, распад Союза, переход ведущей роли от центра к

республикам, прежде всего к России. Таким образом, к концу октября 1991 г. первый зигзаг внешней политики России состоялся. Он завершился даже ещё до формального прекращения существования Союза, и характеризовался главным образом двумя важными особенностями:

1 - отказом от единого центра и 2 - "атлантизмом", или чётко выраженной прозападной ориентацией внешней политики.

Как оценивать то, что случилось? На мой взгляд, как большую ошибку, как явный перекося. Это подтвердили уже последующие события и, в частности, новый зигзаг во внешнеполитической деятельности, нацеленный на исправление ошибки первого этапа.

После развала Союза.

После обвальнoй суверенизации республик ситуация развивалась таким образом, что уже во второй половине декабря 1991 г. и в начале 1992 г. Россия и другие страны СНГ были признаны большинством стран мира. По данным на 3 января 1992 г., Россию в качестве независимого государства признали 105 стран. Весьма примечательно, что иностранные государства смотрели на новую Россию как на "государство-продолжателя" Союза ССР. Исходя из такого подхода, многие страны решили, что признание России - дело само собой разумеющееся и не требующее специального заявления. Не потребовалась также переаккредитация зарубежных послов в Москве, а послов бывшего СССР - в зарубежных государствах. По просьбе МИД России дипломатические и консульские представительства бывшего СССР в зарубежных странах были признаны как дипломатические и консульские представительства Российской Федерации. Кроме того, Россия обязалась выполнять все международные договоры Союза ССР в качестве стороны этих договоров, а по некоторым из них - функции депозитария.

Принимая во внимание, что в декабре 1991 г. бывшие союзные республики не имели ещё прямых дипломатических отношений с зарубежными государствами, российским представителям за границей было вменено в обязанность содействовать контактам между правительствами государств своего пребывания и новыми государствами, образовавшимися на месте СССР.

По договорённости со всеми сторонами, Россия заменила СССР в Совете Безопасности ООН. В канун нового 1992 г. Юлий Воронцов, бывший постоянный представитель СССР при ООН вручил Генеральному Секретарю ООН верительные грамоты в новом качестве постоянного представителя РФСР при этой организации.

Сказанное свидетельствует прежде всего о том, что мир ассоциировал СССР главным образом с Россией. Не случайно и то, что практически все годы советской власти на Западе вместо СССР обычно говорили Россия.

После решения вопроса о членстве стран СНГ в ООН достаточно быстро был также решён вопрос об их участии в работе других международных организаций, в частности, в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Радикальные перемены, произошедшие в СССР в декабре 1991 г., были проанализированы в статье А.Козырева, опубликованной в начале января 1992 г.. Хотя работа эта примечательна во многих отношениях, остановлюсь лишь на некоторых ее моментах. "Формирование Содружества Независимых Государств, образующегося на обломках бывшего Советского Союза", было названо российским министром "главным приоритетом российской дипломатии". "Уже найдены, обретают плоть идеи единства наших народов. - писал Козырев. - Достигнута договорённость о единой обороне, о едином военно-стратегическом пространстве, намечены контуры социально-экономического взаимодействия"⁶⁹. Опасаясь, чтобы новое образование не оказалось мертворожденным, министр предлагал наращивать накопленное.

Хотя наряду с тем главным приоритетом, о котором говорилось выше, министр назвал и другие - добиваться радикальных сокращений ядерного оружия, свёртывания гонки вооружений и т.д. - он, тем не менее, особой статьёй выделил отношения с США и развитыми странами Запада в целом. По мнению Козырева, эти страны - "естественные союзники России". Мысль о том, что "западные демократии-это столь же естественные союзники демократии России, как и враги тоталитарного режима", высказывалась А.Козыревым не раз. Например, в его выступлении в Вашингтоне в Колумбийском университете⁷⁰.

Такая точка зрения сразу вызвала немало вопросов. В частности, каково содержание понятия "естественные союзники", каким, так сказать "стандартам" страны должны соответствовать, чтобы называться так и т.д. и т.п.

На мой взгляд, для утверждения о том, что страны Запада являются "естественными союзниками" России достаточных оснований нет. По целому ряду важных причин. Прежде всего потому, что для этого и у нашей страны и у западных государств нет общей основы, которая выражается преимущественно в идентичности (или хотя бы в сходстве) общественно-политической и экономической систем. Это в свою очередь связано с единой идеологией и философией жизни народов, значительным сходством в культуре, особенно политической и т.д. Ничего этого, конечно, сейчас нет и в обозримом будущем, на мой взгляд, не появится. Скорее, наоборот. Поскольку та острая внутренняя борьба, которая происходит на наших глазах, едва ли закончится тем, что общественно-политический строй России станет сходен с западным. Полагаю, что Россия ещё долго будет сохранять свою уникальность и самобытность, имеющую глубокие исторические корни. Именно эти корни продолжают питать сегодняшний день. Мало надежды и на скорое выравнивание уровней общей, а также политической культуры и т.д.

Но если даже отбросить все эти аргументы, для постановки вопроса о "естественном союзничестве" всё равно не будет достаточно оснований. Хотя бы потому, что стремления лишь одной стороны к такому союзничеству недостаточно. К этому должна стремиться и другая сторона, что, по-моему, звучит весьма проблематично.

Значит ли сказанное, что вопрос о союзничестве вообще нельзя ставить? Думаю, не значит. Но под союзничеством должно, на мой взгляд, подразумеваться следующее. Союзничество предполагает определённую цель (например, в годы второй мировой войны такой целью было достижение победы над фашизмом), а также согласованные средства её достижения.

Какой может быть цель союзничества в наши дни и какими могут быть средства её достижения? Отвечая на эти вопросы, нельзя забывать, что каждая из сторон даёт на них собственные ответы. Попробуем ответить на них с позиции одной и другой стороны.

Для России цель союзничества, с моей точки зрения, состоит в том, чтобы, во-первых, обезопасить себя на период перехода от тоталитарной общественно-политической системы, к другой - демократической. Без мирных внешних условий смена системы, конечно, невозможна.

Во-вторых, в стремлении получить от более развитых стран максимально возможную разностороннюю помощь и поддержку, чтобы в наиболее короткие исторические сроки если не преодолеть, то хотя бы сократить отставание. Эти две цели - главные. Что касается средств их достижения, то они могут быть и, как мы видим, являются самыми разными. Уступки, компромиссы, прозападные действия, и т.д. В общем многое из того, что ранее напрочь отвергалось СССР, сейчас входит в арсенал активно используемых средств российских ведомств.

Для другой стороны - стран Запада, союзничество с Россией имеет, на мой взгляд (и, как мне представляется, на взгляд здравомыслящего человека вообще), следующие цели. Во-первых, сделать Россию безопасной для мира и для западного мира в первую очередь. Безопасной не только в военном смысле, хотя, конечно, прежде всего в военном, но и в идеологическом и других. Уже одно это является своеобразной гарантией поддержки тех шагов и реформ в России и в других странах СНГ, которые ведут к данной цели.

Для союзнических отношений с Россией у стран Запада есть и другие важные побудительные мотивы: высокие технологии военно-промышленного и космического комплексов стран СНГ, а также громадный и к тому же малоосвоенный рынок товаров. Одно лишь освоение рынка, не говоря уже об огромном российском источнике сырья, могло бы сыграть роль второго дыхания для экономики Запада, переживающей сейчас не лучшие свои времена.

Но в соответствии со своей индивидуалистской философией и либерально-демократическим укладом жизни Запад (и особенно западный частный бизнес) будет, естественно, стремиться извлечь из связей с нами максимально возможную прибыль.

Запад, таким образом, попал в очень сложное положение. Ситуация, с одной стороны, побуждает и даже требует от него помогать России разоружаться, менять экономическую и политическую системы, становиться демократическим государством, ибо все это в его интересах, а, с другой - ему, конечно, не хочется вместо советской военной сверхдержавы заполучить в скором времени нового могущественного экономического конкурента. Со всей наглядностью это проявилось на примере мирового рынка вооружений. Но вектор содействия России, судя по всему, сильнее, чем вектор противодействия ей, и это даёт основание для осторожного оптимизма относительно перспектив союзнических взаимоотношений между Россией и Западом. Тем не менее, повторюсь, что серьёзных оснований говорить о "*естественном* союзничестве" нет. Образно говоря, возможен "брак по расчёту", но не "брак по любви".

Не понимание ли этого побудило российскую дипломатию повернуть голову орла сначала на Восток, а потом на Юг. Но об этом речь пойдёт несколько ниже.

Прежде чем прийти к этому повороту, или, точнее говоря, очередному зигзагу, российская дипломатия пережила непростой 1992 год. Непростой потому, что ей приходилось кардинально менять содержание своей деятельности. Если от диктата и двойного подчинения (ЦК КПСС и союзного МИДа) она освободилась в 1991 году достаточно легко, то от других свойственных ей черт - имперского менталитета, силовых методов ведения переговоров, служения нередко утопическим целям, при котором внутренняя политика подстраивалась под внешнюю, а не наоборот, - избавиться оказалось не так-то просто.

Но и это ещё не всё. Важнейшей содержательной целью внешней политики России становится (или должно стать) способствование формированию в России дееспособной, динамично развивающейся экономики.

Кроме содержательной и, пожалуй, самой трудной перестройки, в 1992 году российской внешней политике приходилось осваивать совершенно новые для неё сферы деятельности, как по форме так и по сути. Эта сфера - так называемое ближнее зарубежье, или бывшие союзные республики. По признанию А. Козырева, 70 % его времени уходит на решение проблем, связанных с этим зарубежьем⁷¹.

Кроме проблемы ближнего зарубежья, в 1992 году во внешней политике России обозначился еще один важный момент. В связи с центробежными тенденциями и повышением самостоятельности территорий, многие субъекты федерации стали настойчиво заявлять о своем стремлении участвовать во внешнеполитических делах.

Одновременно с изменением содержания внешнеполитической деятельности происходила структурная перестройка МИДа. Произошло укрупнение его подразделений; региональные управления были преобразованы в департаменты: Европы, Северной Америки, Центральной и Южной Америки, Африки, Ближнего Востока, Азиатско-тихоокеанского региона, Западной и Южной Азии. Был создан департамент по связям со

странами СНГ. Начали работать департаменты международных организаций и глобальных проблем по международному, гуманитарному и культурному сотрудничеству.

Новые зигзаги.

Развитие внешнеполитических событий в 1992 году показало, что российская дипломатия не может и не должна ориентироваться только на Запад. Об этом ясно заявил А. Козырев, выступая 22 октября 1992 года на заседании Верховного Совета. "Россия не должна сужать рамки партнерства, выбирая между Востоком и Западом. Спектр ее интересов значительно шире, необходимо учитывать максимум возможных взаимодействий"⁷². В связи с этим заявлением российского министра возникает закономерный вопрос: насколько искренне оно было в свете его предыдущих выступлений? На мой взгляд, министр, готовясь к своему выступлению, учел критическое настроение аудитории, перед которой ему придется держать ответ и прежде всего отношение к нему Председателя Верховного Совета Р.Хасбулатова. Последний не раз резко негативно отзывался о внешнеполитической линии российского МИДа и его главы, высказывая при этом свои идеи, во многом отличающиеся от идей А.Козырева. Так, выступая в конце февраля 1992 г. на научно-практической конференции "Преображенная Россия в новом мире", Р.Хасбулатов изложил развернутую внешнеполитическую концепцию, в немалой степени отличающейся от концепции исполнительной власти⁷³. Речь об этом уже шла выше.

Как бы там ни было, был ли искренен Козырев перед депутатами или нет, вскоре после его выступления последовали и конкретные шаги. (Это говорит о том, что слова могли быть и искренними). В ноябре 1992 г. состоялся визит президента Б.Ельцина в Южную Корею, а в середине декабря - в Китай. Оба визита были достаточно успешны. Если говорить о Южной Корее, то Россия предполагает резко поднять планку двухстороннего сотрудничества с этим государством, особенно в области экономики и торговли. В то время российско-корейских переговоров речь шла, в частности, о планах создания корейского промышленного комплекса в районе Находки, совместной разработке месторождений природного газа в Якутии, строительстве газопровода для его транспортировки в Республику Корея и других проектах.

Что же касается переговоров с Китаем, то, по мнению многих аналитиков, они были еще более масштабными и значимыми, чем с Южной Кореей. Подписанные во время визита Б.Ельцина соглашения охватывают экономику, науку, культуру, военно-политическую сферу и т.д. Совместная декларация об основах взаимоотношений между КНР и РФ; меморандум, предполагающий резкое сокращение вооруженных сил и систем вооружений на границах; ряд соглашений, расчистивших путь для взаимодействия сходных и взаимодополняемых экономик двух стран, в том числе протокол о торгово-экономическом

сотрудничестве в 1993 г., соглашение о строительстве АЭС в Китае и другие договоренности позволят сделать развитие отношений между двумя странами устойчивым и взаимовыгодным.

Восточное направление внешней политики России, открытое, как мне кажется, с явной неохотой и вопреки доминирующим в МИДе настроениям, сулит в будущем не меньшие дивиденды (а, может быть, и большие), чем западное, не говоря уже о южном или северном.

Вскоре после открытия восточного направления российская дипломатия обратила свои взоры на север, а затем и на юг.

11 января 1993 г. Россия, Норвегия, Швеция, Исландия, Финляндия и Дания учредили Совет Баренцева/Евроарктического региона, главными задачами которого являются разработка основ и координация сотрудничества в экономике, охране окружающей среды, добыче полезных ископаемых, создании инфраструктуры, защите прав коренного населения. Декларацию о сотрудничестве подписали также представители ЕС; в качестве наблюдателей на конференции присутствовали представители США, Японии, Канады, проявляющие повышенный интерес к Северному морскому пути из Баренцова моря в Тихий океан.

Что же касается южного направления, то визит А.Козырева в Иран и состоявшийся в конце июня с.г. визит Б.Ельцина в Грецию, а также некоторые другие акции (например, на российско-турецком направлении), свидетельствуют о том, что и этому спектру внешней политики стало уделяться неформальное внимание. С открытием южного направления, можно считать, в целом завершился первый цикл формирования новой внешнеполитической доктрины России. Теперь в ней есть все направления: и западное (наиболее мощное), и восточное, и северное, и южное. Хотя все эти направления присутствовали во внешней политике бывшего СССР, характер отношений с иностранными государствами практически на всех направлениях резко изменился.

Но это не единственный вывод, который вытекает из сказанного.

Краткие выводы из сказанного.

Современная внешняя политика России переживает не только сложные, а драматические времена. Драматизм этот обусловлен, во-первых, тем, что приходится искать новое содержание внешнеполитической доктрины. Действие старых идеологических дрожжей иссякло, их справедливо выбросили за ненадобностью, а новых еще нет, и, как считают некоторые, они и не нужны вовсе. Во-вторых, тем, что прежнее биполярное деление мира было значительно проще для определения сути и направленности внешнеполитических действий. В период "холодной войны" было действительно как на войне. Было ясно, где враг, где друг, где нейтральные государства, где искать потенциальных друзей и союзников

и т.д. С окончанием эпохи "холодной войны" картина резко изменилась. Биполярный мир с предельной конфронтационностью стал достоянием истории, на его место пришел многополюсный мир с другой системой отношений. Эта система еще только складывается. В основе ее, как представляется, должны быть отношения партнерства, взаимопомощи и взаимодействия. Но поскольку в мире сохраняются противоречивые национальные и государственные интересы, новая система международных отношений складывается нелегко и непросто. Трудности в новой ситуации переживает не только Россия, но и многие другие страны (например, страны "третьего мира"), которым было значительно проще ориентироваться в биполярном мире. Но России приходится особенно тяжело. Переживая распад прежней социально-экономической системы, ведя в густом тумане поиск нового вектора развития, неся огромные потери от распада СССР и, находясь под угрозой собственного распада, Россия, на мой взгляд, сейчас объективно не может окончательно определиться с фундаментом и сутью своей внешней политики.

Такая ситуация невольно заставляет ее маневрировать, колебаться, шарахаться, хвататься то за одно, то за другое направление.

В этом и заключена суть проблемы. Не в колебаниях и маневрах, а в зигзагах и шараханиях. Разумно ли было, например, заявлять в самом начале о прозападном приоритете, если было ясно, что не только география, но и сама суть России заставит повернуть голову и на Восток, и на Север, и на Юг. А что произошло с Восточноевропейским, Африканским и Латиноамериканским направлениями? На них стали обращать значительно меньше внимания, чем прежде, и это нанесло внешней политике в целом немалый ущерб. В общем, людям, вставшим около трех лет назад к штурвалу внешней политики новой России, явно не хватило знаний, опыта и мудрости, чтобы с самого начала умело управлять кораблем. Сегодня опыта, конечно, больше, но зигзагов по-прежнему хватает.

-

ГЛАВА II. КУДА ДВИГАЛСЯ МАЯТНИК ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В 1994 Г.

Даже в наше очень переменчивое и нестабильное время полезно оглянуться назад и обдумать то, что свершилось. Особенно важно это делать политикам. Прежде всего для того, чтобы убедиться, твердо ли они стоят на почве реальности своей страны и мира, действительно ли они трудятся во благо тех, кто вручил им свою судьбу.

Верная, критичная оценка прошлого опыта позволяет вовремя скорректировать движение, исправить ошибки и в конечном счете продвигаться вперед увереннее и с меньшими потерями.

Новые черты внешней политики России после 12 декабря 1993 г.

В августе 1991 г. исторический процесс в СССР сделал настолько крутой и драматичный поворот, что под страной зашатались вековые устои. А в декабре того же года она и вовсе распалась. Образовавшиеся на ее развалинах государства встали перед фатальной необходимостью перестроить и переориентировать свою внутреннюю и внешнюю политику.

За прошедшие три с небольшим года внутри- и внешнеполитические ориентиры России менялись неоднократно, о чем уже немало сказано и написано. Особенно важным, по существу этапным явился для страны рубеж 12 декабря 1993 г.

Накануне выборов первого многопартийного российского парламента и референдума по новой конституции страны многие западные правительства не скрывали своей заинтересованности в победе блока "Выбор России", поскольку его поражение ассоциировалось у них с непредсказуемостью будущей политики России.

"Выборосы", как известно, не добились ожидаемого успеха. Его добились те силы, которые были и в определенной мере остались для Запада менее привлекательными, чем "Выбор России": ЛДПР, КПРФ и Аграрная партия, что не только обеспокоило, а буквально переполошило либеральный мир.

Чтобы успокоить его, А.Козырев заявил сразу же после выборов, что их итоги не могут кардинально изменить внешнюю политику России. Ибо внешняя политика - прерогатива президента, а он остался тем же. "Причин для изменений внешней политики нет", - поставил точку над і российский министр⁷⁴.

Однако большинство аналитиков уже тогда было не согласно со столь категоричным выводом министра, и они, как мне кажется, были правы.

Прогнозируя скорые и заметные перемены, западные аналитики исходили из того, что в результате выборов расстановка политических сил в России существенно изменилась, что не может не повлиять на общий курс страны, и на ее внешнюю политику в том числе. По прошествии года, можно сказать, что они не ошиблись.

Со временем страсти, вызванные итогами выборов в Думу, несколько улеглись. Но у значительной части западного обывателя и даже у некоторых политических деятелей страх перед русским национал-патриотизмом (если не шовинизмом) сохранился.

На это однозначно указывают и опросы общественного мнения, регулярно проводимые в западных странах. Основная часть респондентов считает, что самая большая угроза миру исходит от России и что современный мир стал еще более опасным и нестабильным, чем прежний.

После 12 декабря 1993 г. у внешней политики новой России появилось несколько новых важных отличительных черт.

Во-первых, она стала президентской де юре, а не только де факто, как это было после 12 июня 1991 г., когда был избран первый российский президент. В 4-й главе нового Основного закона, специально посвященной институту президентской власти, отмечается, что "Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства" (ст. 80, п.3) и "осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации" (ст.86, п.а).

Хотя на президентский характер внешней политики России различные государственные деятели страны и прежде всего А.Козырев указывали неоднократно и до референдума по новой Конституции и после него, законодательная база под такого рода политику была подведена лишь в декабре 1993 года с одобрением нового Основного закона.

Во-вторых, внешнеполитическая деятельность России стала уделом практически одной исполнительной власти. Во всяком случае нынешняя законодательная власть уделяет теории и практике внешней политики заметно меньше внимания и сил, чем Верховный Совет до нее. Если в соответствии с прежней российской конституцией внешняя политика страны была прерогативой Верховного Совета и правительства страны ⁷⁵, то после 12 декабря 1993 г. ситуация радикально изменилась.

Кроме упомянутых двух новых черт появились и другие. Одна из них связана с утверждением 02.11.1993 г. указом Президента РФ основных положений военной доктрины России, которая по существу аннулировала обязательство не применять ядерное оружие первым, взятое на себя СССР в 1982 г. В соответствии с новой военной доктриной ядерное оружие России, также как у других западных ядерных держав, стало оружием сдерживания от развязывания агрессии. Не сказать на внешней политике это не могло.

Еще одна черта новой внешней политики России сформировалась под воздействием того обстоятельства, что в конце августа 1994 г. завершился вывод ее войск из Германии и Прибалтики и в то же время началось создание военных баз в ближнем зарубежье.

Немаловажное значение для изменения внешней политики России в 1994 г. имели и глобальные сдвиги в международных отношениях.

Заметно ли было, что внешняя политика России стала президентской и верно ли это? Да, заметно. Не только по тому, что с принципиально важными концептуальными заявлениями по опросам внешней политики от имени властей выступает сейчас только президент (в отличие от дооктябрьского периода прошлого года, когда вслед за очередной программной речью руководителей исполнительной власти такие же речи произносили руководители представительной власти или наоборот). Но и потому, что президент активнее, чем раньше, участвует в реализации внешнеполитического курса. (Качество его дипломатии - это тема для специального исследования. Оно оригинально и имеет сильные и слабые стороны).

Что же касается вопроса о том, правильно ли то, что внешняя политика России стала президентской, то по в связи с этим следует отметить, во-первых, следующее. В течение многих столетий внешняя политика Российского государства определялась и направлялась либо единолично великими князьями, либо самодержцами-царями и императорами. Так что опыта у страны в этом плане достаточно. Есть подобный опыт и в других странах. Правда, если говорить о современных президентах, то они осуществляют в общем не столько свою собственную политику, сколько политику правящей партии. Такая модель могла бы, вероятно, подойти и России.

Как же конкретно, кроме как через посредство визитов в различные страны и переговоров, осуществлялась президентская внешняя политика?

В течение 1994 г. Президент России дважды выступил с концептуальными докладами по внешнеполитическим вопросам. В первый раз это было в феврале - в его Послании, направленном 24 февраля 1994 г. Федеральному Собранию, содержится 6-й раздел "Россия и безопасность в мире", в котором есть подраздел 6.2. - "Россия в системе международных отношений"; и во второй раз - в выступлении на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 1994г.

В этих двух документах (в первом более полно, во втором - менее и не столь удачно и последовательно) так или иначе формулируются задачи и приоритеты внешней политики России.

Главная цель внешней политики Российского государства в 1994 г., сформулированная в Послании ФС, состояла в *последовательном продвижении национальных интересов через открытость и сотрудничество, а также в обеспечении благоприятных условий для внутреннего развития и продолжения реформ*⁷⁶.

Во главу угла внешней политики России в 1994 г. президентом были поставлены две основные проблемы: 1- отношения с новыми независимыми государствами на границах России, всемерное развитие СНГ; 2- стабилизация и развитие подлинно партнерских отношений с Западом.

Другим направлениям и проблемам (как глобальным, так и региональным и двусторонним) в упомянутых выше документах также уделяется определенное внимание. Но явно меньше, чем двум первым, что является убедительным свидетельством абсолютной важности отношений со странами СНГ и Западом для тех кругов, которые определяют внешнеполитический курс России. Верна ли такая стратегия, и если да, то насколько и правильно ли она осуществляется? На эти вопросы я попытаюсь дать ответ по ходу рассмотрения отдельных аспектов внешнеполитической деятельности России.

Россия - Западная Европа - США: отказ от "атлантизма" ради "европеизма"?

Наиболее интенсивным направлением внешней политики России в 1994 году было Западное: Западная Европа и США⁷⁷. Именно в такой последовательности выстроились приоритеты России на этом направлении в этом году. в отличие от предыдущих двух-трех лет, когда на первом месте были США, а затем уже следовал Старый Свет. В тот период невозможно было представить, чтобы А.Козырев говорил о стратегическом взаимодействии с ключевыми европейскими партнерами - ФРГ, Великобританией, Францией, "чтобы голос Европы звучал самостоятельно и чтобы голос Москвы в европейском хоре был тоже слышен достаточно громко"⁷⁸.

В переориентации внешней политики России на Европу нет в общем ничего удивительного. Во-первых, потому, что ориентация на США не принесла ожидаемого результата. Добившись устранения с мировой арены советской сверхдержавы, Соединенные Штаты продолжают вести себя как единственная сверхдержава не только по отношению к России, но даже по отношению к своим натовским союзникам, Югославская ситуация - яркий тому пример. Во-вторых, Старый Свет традиционно, особенно со времен Петра Великого, притягивал Россию, как и наоборот.

Давно сложившиеся устойчивые традиции экономических и торговых, культурных и гуманитарных связей России и Европы является надежной базой для их быстрого и эффективного развития сегодня. С учетом этого приоритетность западноевропейского направления во внешней политике современной России вполне обоснованна.

Из многих европейских стран, с которыми у России сложились плодотворные конструктивные отношения, следует выделить Германию, Великобританию, Францию и Италию.

Основные усилия внешней политики России на западном направлении в 1994г. сосредоточились на том, чтобы перевести отношения с этими странами на партнерские рельсы. Заявлений о намерениях на этот счет в течение всего года было предостаточно с обеих сторон, но особенно со стороны России. Для доказательства сошлюсь на одно из них. "Общеввропейское партнерство является на сегодня ключевым понятием российской внешней политики", - так утверждал Козырев в начале марта с.г.⁷⁹ и от имени России предлагал концепцию такого партнерства из семи пунктов. Не вдаваясь в их анализ, замечу лишь, что в целом они едва ли осуществимы. Поэтому не случайно, что концепция А.Козырева не вызвала сколько-нибудь заметного общественного резонанса. Ни у нас, ни на Западе.

Но появилась она на свет, видимо, не случайно. Скорее всего как реакция на определенное отношение к России со стороны Запада.

Важное значение для установления новых отношений с Западом имело подписание в декабре 1993 года совместной Декларации о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским Сообществом, состоявшееся во время визита Б.Ельцина в Брюссель.

Хотя эта декларация не обеспечила вступление России в ЕС, она, тем не менее, формально подняла отношения с этой организацией до уровня отношений с США и Японией.

Тут, правда, следует заметить, что Россия стремилась к подписанию не декларации, а соглашения, что создало бы более благоприятные условия для сотрудничества: обеспечивало бы свободу движения капиталов, товаров, услуг, рабочей силы. Однако, по мнению многих экспертов, ни Западная Европа, ни Россия пока не готовы к установлению такого уровня отношений.

Подписав декларацию, страны Запада, с одной стороны, продемонстрировали, что они серьезно относятся к установлению более близких и разносторонних отношений с Россией, а, с другой стороны, - явно не намерены гнать лошадей и хотят продвигаться вперед по мере созревания условий. Объективно говоря, это вполне прагматичная позиция, которая может служить примером и для нас.

С вопросом о сотрудничестве с ЕС напрямую связана проблема вступления России в Совет Европы, авторитетную региональную организацию, существующую уже более 45 лет и представляющую интересы 33 государств.

Заявку о приеме в Совет Европы Россия подала еще в 1992 г., но вопрос, как ожидается, будет решен лишь в 1995 г. Несмотря на активные контакты и переговоры с обеих сторон, имеющие целью ускорение процесса интеграции РФ в европейские структуры, решение проблем продвигается медленно. Главным образом из-за приведения российского законодательства в соответствие с европейскими нормами.

Обобщая сказанное об отношениях России с Западной Европой и о той новой роли, которую отводят там нашему государству, можно сослаться на мнение министра иностранных дел Франции А.Жюппе. Выступая на научной конференции, организованной в 20-х числах марта 1994 г. в Париже французским институтом международной политики, и проводившейся под названием "Россия и мир", он отвел России роль региональной державы. Исходил министр при этом, очевидно, из того, какую реальную роль способна играть Россия в ее нынешнем состоянии, а не из того, какую она хотела бы и тужится играть. А хотела бы она играть роль великой мировой державы, на которую она будто бы обречена, если верить регулярным утверждениям Козырева на этот счет. Да, как бы горько не было признание, что Россия превратилась уже в региональную державу, оно обоснованно. Роль мировой державы особенно в экономической области мы сможем, судя по развитию событий, вернуть не скоро.

* * *

Если проблема взаимоотношений России с ЕС, как и с отдельными странами Европы, достаточно ясна и особых споров и разногласий не вызывает, то далеко не так

однозначно дело обстоит в сфере российско-американских и российско-натовских отношений. И это не столько связано с Россией, сколько с США и с НАТО.

Что касается США, то их общая внешнеполитическая стратегия в отношении России в определенной мере отличающаяся от внешнеполитической стратегии других стран Запада, является производной от ее стремления укрепить свое положение как единственной сверхдержавы сегодняшнего и завтрашнего мира. (В доказательство достаточно сослаться на одну только фразу из документа "Стратегия национальной безопасности США", опубликованного в НГ, 26.10.94г. Вот эта фраза: "Но очевидным становится также и то, что мы должны взять на себя роль мирового лидера". В предисловии к этому документу, подписанном президентом США У.Клинтоном, говорится еще определеннее: "Холодная война", может быть, и закончилась, однако потребность в американском лидерстве за рубежом остается по-прежнему очень большой").

В отношении России и других стран СНГ официальная национальная стратегия США, как говорится в процитированном документе, направлена на то, чтобы поддержать в них демократические и рыночные реформы. Но это, на мой взгляд, лишь надводная часть айсберга. Основная цель, скрытая от глаз, но явно преследуемая, состоит в том, чтобы Россия (если быть точнее, то новый Союз в пределах СНГ) не возродилась как вторая сверхдержава в мире и чтобы не вернулись прежние времена конфронтации антагонистических систем и ядерного противостояния.

Несмотря на занимаемую в отношении России позицию, американцы, как считает бывший российский посол в США В.Лукин "совершенно не заинтересованы в дальнейшем ослаблении нашей страны и в ее расколе на удельные княжества"⁸⁰.

Если за основу взять такой подход, то можно будет спрогнозировать, каким будет уровень отношений между Россией и США. Говоря коротко, это будут с одной стороны - отношения перманентного стратегического соперничества, а с другой - вынужденного взаимодействия и лишь иногда- партнерства. Но стратегическое партнерство, о котором неоднократно говорил А.Козырев, между Россией и США в обозримом будущем едва ли сложится. Хотя оно и отвечало бы общим интересам наших государств и всего мира, особенно для решения современных глобальных проблем. Судя по всему, США и Россия - естественные соперники, и они едва ли разделяют общие интересы, как утверждает г-н Козырев. Аналитики предсказывают даже, что нынешний уровень этого соперничества возрастет после убедительной победы республиканцев на выборах 8 ноября 1994 г.

Очевидно, выдавая желаемое за действительное, министр Козырев утверждал также, что Россия и США следуют курсом стратегического партнерства. "Стратегического потому, что мы разделяем общие ценности, а национально-государственные интересы России и США по основным мировым проблемам не только не сталкиваются, но дополняют друг друга"⁸¹.

События последних месяцев и особенно открытое столкновение интересов России и США в Югославии в 1994 г.⁸², на Ближнем Востоке в октябре того же года из-за действий Ирака, наглядно продемонстрировали, что не только национально-государственные интересы США и России, но и методы их защиты у этих стран весьма различны. В соответствии со своей новой стратегией национальной безопасности Соединенные Штаты намерены обеспечивать свои интересы в мире опираясь прежде всего на силу. Достаточно познакомиться со II-й главой "Стратегии национальной безопасности США" и особенно с разделом "Поддержание мощного военного потенциала"⁸³ из этой главы, чтобы любые сомнения на этот счет развеялись. И хотя американцы представили миру свою стратегию как новую, методы обеспечения национальных интересов остались в целом старые - силовые.

Именно методы реализации американцами своей политики давали России в лице ее руководителей повод не раз заявить, что "Вашингтон видит Россию не как равного партнера, а как партнера младшего"⁸⁴.

Сегодня уже совершенно ясно, что надежда на продолжительный "медовый месяц" в отношениях между Россией и США (его точнее было бы назвать "периодом розовых иллюзий"), растаяла также быстро как утренний туман под лучами теплого солнца. Прав оказался В.Лукин, характеризовавший отношение России к США как "детскую болезнь обожания Америки", как "инфантильный проамериканизм" и предрекавший, что этот этап закончится очень скоро⁸⁵.

Интересно отметить, что прагматизация российско-американских взаимоотношений осуществлялась в атмосфере чрезвычайно активных двухсторонних контактов, как на самом высоком уровне, так особенно А.Козырева и У.Кристофера. Это, на мой взгляд, несколько смягчало противоречия.

Почти дружеская атмосфера на встречах Б.Клинтона и Б.Ельцина и в январе 1994г. в Москве и особенно во время их последней встречи в конце сентября того же года в Вашингтоне, большое количество подписанных соглашений, многочисленные заверения в искренности чувств также должны были создать устойчивое впечатление, что российско-американские отношения - подлинно партнерские, союзнические и т.д. Однако за импозантным фасадом и обильной партнерской риторикой явно скрыты противоречивые национально-государственные интересы. Их несовпадение и расхождение являются причиной стратегического и все более ярко проявляющегося российско-американского противоборства. Как это было, к примеру, в октябре 1994 г. на Ближнем Востоке, и в случае с российскими ракетными двигателями для Индии в прошлом году. Как это permanently происходит на постсоветском пространстве, где США и их ближайшие союзники явно и неявно поддерживают дезинтеграционные процессы, направленные на то, чтобы не допустить воссоздания единого государства на постсоветском пространстве.

Последовательная линия на противодействие российским усилиям приводится Западом и в Восточноевропейском регионе. Вовлечение этих стран в западный экономический и военный союзы, можно считать, делом запланированным. Основанием для такого вывода служит, с одной стороны, тактика, выработанная Европейским Союзом в отношении Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Чехии и Словакии, а с другой - поэтапное вовлечение их в структуры НАТО. По сообщениям СМИ, к середине 1995 г. Комиссия ЕС вручит шестерке кандидатов книгу с полными перечнями того, что и как им надлежит изменить в хозяйственной, социальной, валютной, юридической, налоговой и прочих системах, чтобы быть готовыми к членству в ЕС. Как возможный вариант, от которого можно будет вести отсчет, называют 2000 год⁸⁶.

Вполне благоприятные перспективы ожидают Восточноевропейские государства и при вступлении в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющую 25 стран с целью координации их экономической и социальной политики.

Уже в течение ближайших двух лет полноправными членами ОЭСР готовятся стать Польша, Венгрия, Чехия и Словакия. Можно полагать, что за Румынией и Болгарией дело тоже не станет.

В отношении России ситуация иная. Хотя 9 июня с.г. было подписано рамочное соглашение о сотрудничестве между Россией и ОЭСР, 24 июня - Соглашение с ЕС о партнерстве и сотрудничестве, а 8 июля в Неаполе - соглашение с "большой семеркой", превращающее ее в "восьмерку", барьеры на пути экономического сотрудничества между Россией и Европой все еще велики и перспективы не столь благоприятны.

Это, судя по всему, вызвано существом и целью отношений Запада по отношению к России. Со стороны Запада она состоит, на мой взгляд, в том, чтобы не способствовать быстрому экономическому возрождению России и возвращению таким образом мощного и опасного конкурента подобного СССР. Превратить Россию в свой сырьевой придаток, страну со среднеразвитой экономикой - вот вожденная мечта основной части западных кругов. (Некоторые из них признают это открыто). Не изолировать Россию, но и не допускать ее к передовым технологиям, к своим рынкам, держать ее на коротком поводке - вот, если суммировать, тактика Запада.

Очень сходная ситуация и с НАТО.

В отношении Восточноевропейских государств Запад, как уже говорилось, реализует стратегию и тактику их поэтапного включения в состав НАТО. Исторический момент для этого весьма благоприятен. Россия в ее нынешнем состоянии и при такой зависимости от западных стран не способна сколько-нибудь серьезно противодействовать планам США и их союзников на этом направлении. (Подтверждением тому служат и заявления лидеров некоторых западных государств⁸⁷). Поэтому ей остается лишь делать вялые, двусмысленные заявления. Типа следующего: "Если это (т.е. расширение НАТО за

счет Восточноевропейских стран - Я.П.) случится, Россия будет рассматривать подобный шаг как нанесение ущерба ее интересам. Но есть варианты. Например, ассоциированное членство". Это заявление Б.Ельцин сделал будучи в декабре прошлого года в Брюсселе⁸⁸. И хотя российского президента тут же заверяли, что "в ближайшее время прием новых членов в НАТО не планируется", это отнюдь не означает, что в этом направлении не ведется подготовительная работа (например, через натовскую программу "Партнерство ради мира") и что в те же сроки, которые планируется для вовлечения этих стран в европейский союз, произойдет их интеграция в НАТО. Если не раньше. События последних месяцев говорят именно о такой тенденции.

В случае, если это произойдет, перед Россией встанет очень серьезная дилемма : как реагировать на расширение НАТО на Восток и вступать или не вступать в НАТО, если Запад сочтет это возможным?

Если отталкиваться от того подхода, который излагался выше (Россия - сама по себе особый мир и Запад едва ли согласится на вхождение это мира в свою систему, поскольку они антиподы), России следует негативно относиться как к расширению НАТО на Восток, так и к вступлению в эту организацию. Однако надо быть готовым и к тому, что противодействие России приведет лишь к большой трате ее сил и средств и ни к какому позитивному результату все равно не приведет. (Наиболее эффективным статусом для восточноевропейцев в их промежуточном положении между двумя мирами был бы нейтралитет и обретению именно такого статуса Россия могла бы содействовать, но их тяга к западному миру настолько велика, что переориентация на любой другой сейчас едва ли вероятна).

Что же остается России в сложившейся ситуации?

Ей остается, во-первых, линия на всестороннее развитие экономического сотрудничества со своими ближайшими западными соседями и, во-вторых, поддержание должного уровня своей обороноспособности. Желательно совместной с другими странами СНГ, о чем убедительно и аргументировано рассказал генерал-полковник В.Самсонов - начальник штаба по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ в статье "О системе коллективной безопасности СНГ"⁸⁹.

Вместе с тем, нам следует стремиться к установлению добрососедских, подлинно равноправных отношений со странами Восточной Европы.

Судя по тем шагам, которые предпринимаются, российское руководство отчетливо понимает важность этой проблемы. Именно этой цели служили взаимные визиты, подписание договоров и соглашений, другие акции, предпринятые в последние два года. Так, в августе 1993 года Б.Ельцин посетил с визитом Варшаву, Прагу и Братиславу. Со Словакией было подписано даже соглашение о военном сотрудничестве, что вызвало шок у ее соседей.

Тем не менее, отношения с государствами Восточной и Центральной Европы не всегда адекватно оценивались Москвой. Это признается и МИДом. Выступая в начале ноября 1993 г. на Совете по внешней политике при МИДе, А.Козырев, кроме этого и то, что первый этап становления отношений с этими странами завершен и правовая база для успешного сотрудничества создана. При этом стороны исходили из того, что отношения должны строиться по-новому, т.е. на основе подлинного равенства и взаимной выгоды⁹⁰. Вырабатываются и новые формы взаимодействия. По всей видимости, упор будет делаться на создание межгосударственных объединений и концернов с учетом сложившегося ранее разделения труда. По оценке зампреда Совета Федерации В.Викторова, только на территории бывшего СССР может быть создано порядка 450-500 транснациональных объединений⁹¹.

Если вопрос о вступлении восточноевропейцев в НАТО в общем ясен, то для России это - одна из самых болезненных проблем. Ей вступать в Североатлантический блок никак нельзя. Нельзя не согласиться со словами из выступления Б.Ельцина в Брюсселе в декабре 1993 г. о том, что "вступление России в НАТО может изменить всю геополитическую ситуацию в мире"⁹². Кроме того, рано или поздно это приведет к столкновению с азиатским миром и прежде всего с Китаем.

Подводя черту под сказанным о европейском и американском направлениях внешней политики России, отмечу, что хотя они остаются основными и отношения со странами Запада постепенно развиваются, трудности и проблемы, встречающиеся на этом пути, будут и впредь носить в основном системный характер. Как с точки зрения социально-экономической системы, господствующей на Западе и будто бы создающейся в России, так и с точки зрения военно-политической. Но пока их нельзя признать равноправными и это убедительно доказывает В. Кременюк в статье "В начале длинного пути"⁹³. Тем не менее, следует признать, что параллельно с влиятельнейшими силами, активно действующими и в США и в Европе во имя превращения евразийского гиганта в свой сырьевой придаток, там действуют и такие силы, которые стремятся вовлечь Россию в свой круг. Но первые сегодня явно доминируют.

И это одна из причин того, почему России следует уделять другим направлениям своей внешней политики не меньше внимания, чем западному.

Особенно это важно в отношении восточного азимута.

Восточный азимут внешней политики России.

В 1994 г. этот азимут был несколько приметнее, чем в предыдущем.

Об этом можно судить хотя бы по возросшей интенсивности двухсторонних и многосторонних контактов и переговоров, состоялись визиты в Москву президента Республики Корея, премьер-министра Индии и Вьетнама, председателя КНР, многих других

официальных лиц азиатских стран. Переговоры с ними завершались, как правило, подписанием важных межгосударственных документов. В свою очередь и российские государственные деятели уделяли странам АТР больше внимания, чем прежде. Состоялись визиты Б.Ельцина в Японию, В.Черномырдина - в Китай и в Индию, А.Козырева в Таиланд на ежегодную конференцию министров иностранных дел - членов АСЕАН, И.Рыбкина - в Индию, В.Шумейко - в Южную Корею, О.Сосковца - в Японию и др.

Возрастание внимания к азиатскому направлению и рост интенсивности межгосударственных контактов объясняется, как мне представляется, несколькими причинами.

Во-первых, тем, что западное направление оказалось не столь плодотворным, как хотелось бы и предполагалось новому руководству России, включая руководство внешнеполитического ведомства.

Во-вторых, евразийской сущностью и положением России в Азии⁹⁴. Традиционные связи настоятельно требовали вновь заняться азиатскими делами.

Немалую роль, на мой взгляд, играл и субъективный фактор. Как в ослаблении внимания к этому направлению три года назад, так и в повышении его в нынешнем году. Предельно откровенно на этот счет высказался летом 1994 г. А.Козырев. Оценивая свой визит в Таиланд, он отметил: "Мы постепенно начинаем понимать наших азиатских партнеров, постигать их внутреннюю логику, способ мышления. Они несколько другие в Азии, чем те, к чему мы привыкли в Европе". По словам министра, у России еще мало опыта на азиатском направлении. Европейская школа российской дипломатии очень мощна, а в Азии СССР был вне политической игры, и поэтому многие предложения звучали неуклюже. "Страны мы знали, - говорил Козырев, - но в политику не были включены"⁹⁵.

Любой, кто знает, как обстояло дело с внешней политикой СССР на азиатском азимуте, с приведенными оценками главы российского МИДа, конечно, не согласится. Ни насчет недостаточного опыта, ни насчет того, что в Азии СССР "был вне политической игры". Все это скорее относится лично к Козыреву и внешней политике России после 1991 г., а не к СССР и его внешнеполитической деятельности.

Кроме названных причин, изменить отношение к АТР Россию обязывало и быстро возрастающее внимание к этому региону со стороны западных государств, в первую очередь - США, для чего у них были и есть очень веские основания. Сошлемся для примера лишь на некоторые данные.

По общему мнению специалистов, за последние два десятилетия АТР превратился в зону наиболее интенсивного экономического развития, какой он, вероятнее всего, и будет оставаться в обозримом будущем⁹⁶. Если в 1991 г. средние темпы роста мировой экономики равнялись 1%, то темпы развития экономики Китая, новых индустриальных стран Азии и АСЕАН колебались от 6 до 9% в год, 18 государств, входящих в форум Азиатско-Тихоокеанского экономического совета (АТЭС) (без России) производят более половины

глобального ВВП и контролирует 40% мировой торговли⁹⁷. Под крышей этого торгового блока проживает 40% всех жителей планеты. Уже сейчас Восточная Азия производит 62% мирового производства автомобилей, 82% телекоммуникационного и 81% компьютерного оборудования⁹⁸.

Заслуживает внимания и тот факт, что ни одно из государств региона не снизило свои оборонные расходы.

Быстрое экономическое развитие стран АТР привлекает к этому региону пристальное внимание всего мирового сообщества и прежде всего наиболее развитых стран мира. Именно на этот регион переориентирует свою экономику США, смещая основные отрасли своей промышленности к тихоокеанскому побережью. Из почти триллионного товарооборота США на страны АТР приходится 345 млрд. долл., причем дефицит в торговле с Японией равен 60 млрд. долл., с Китаем - 28 млрд., с Южной Кореей - более 10 млрд.

К концу текущего столетия США планируют увеличить экспорт в страны региона на 50%⁹⁹.

Весьма амбициозные планы США вытекают из их новой доктрины взаимоотношений со странами АТР, получившей название "Новое тихоокеанское сообщество". Впервые она прозвучала в июне 1993 г. в выступлении президента Клинтона в токийском университете "Васэда". Доктрина исходит из того, что "Новое тихоокеанское сообщество" будет основано на активизации партнерства между США и Японией, на продвижении к большей открытости экономических систем, более активной торговле и на поддержке демократии¹⁰⁰. Серьезность намерений США осуществить свою стратегию в АТР подтвердила и конференция лидеров ТЭС, состоявшаяся в Богоре (Индонезия) в середине ноября 1994г.

Совершенно иначе дело обстоит с позициями России в АТР.

К сожалению, наша страна не может похвастаться не только своей доктриной, но и своим экономическим потенциалом в этом регионе мира. В 1992 г. из 75 млрд долл. всего товарооборота России на страны АТР приходилось всего лишь 14, 2 млрд. или 19 %¹⁰¹. В 1993 г. наша торговля со странами Азии и Тихого океана составила более 20 млрд. долл, что меньше 1% совокупного товарооборота в регионе и в 17 раз меньше товарооборота США.

Если говорить в целом, роль России как субъекта и объекта политики в АТР сейчас невелика и заметно меньше, чем была роль СССР. Переместившись за последние годы с одного из первых мест на уровень Австралии, Тайваня или Южной Кореи, она едва ли сможет восстановить свои позиции в обозримом будущем.

Но этого, судя по всему, не хотят многие государства. Прежде всего ведущие страны ТЭС - США, Япония, Канада, Новая Зеландия, Австралия и другие. Очевидно, по этой причине Россия не была представлена на ноябрьском форуме АТР, обсуждавшем будущее региона в XXI веке.

Наряду с названными проблемами Россия на азиатском направлении в недалеком будущем явно столкнется и с другими. В частности, с тем, что по южному периметру границ России и СНГ формируется новая геополитическая реальность - Южная Евразия: Турция, Иран, Афганистан, страны Центральной Азии и Закавказья. Уже сейчас она образует "южную дугу нестабильности", которая все более становится источником повышенной опасности для России.

Общую минорную оценку азиатского направления внешней политики России частично сглаживают некоторые, я бы сказал, весьма скромные успехи российской дипломатии на Ближнем Востоке осенью 1994 г., связанные с прогрессом в развязывании иракско-кувейтского узла.

Однако ситуация и здесь намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Сложность ее заключается в том, что большинство стран этого региона занимают антисаддамовскую позицию. Помогая президенту Ирака освободиться от эмбарго, Россия тем самым рискует противопоставить себя другим странам региона, от сотрудничества с которыми она могла бы уже в ближайшее время получить гораздо больше, чем от сотрудничества с Саддамом Хусейном, делать ставку на которого, как считают многие, нельзя. Шестидневный визит российского премьер-министра В.Черномырдина в Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ и Оман в 20-х числах ноября в какой-то степени сбалансировал активность МИДа РФ на иракском направлении, но проблему полностью не разрешил.

Заключая рассмотрение азиатского аспекта внешней политики России, отмечу, что это яркий пример ограниченности внешнеполитической стратегии России на 1-м этапе ее суверенного существования. К сожалению, не единственный пример. Не в лучшем положении находятся африканское и латиноамериканское направления. На них также заметно снизилась активность и результативность российской внешней политики.

Но подлинной головной болью МИДа России является все же ближнее зарубежье, которым внешнеполитическому ведомству страны никогда раньше заниматься не приходилось. (В единой советской стране международными отношениями занимались партийные и советские органы). Если быть педантичным, то в нынешней обстановке этому следовало заняться, скажем новому ведомству - министерству по делам СНГ. С назначением в ноябре 1994 г. А.Большакова вице-премьером, которому поручено заниматься вопросами СНГ, дело может быть, сдвинется с мертвой точки.

Пока же этим занимается МИД, надо рассмотреть и этот аспект его деятельности.

Проблема взаимоотношений России со странами СНГ многоплановая¹⁰². Она складывается, во-первых, из двухсторонних отношений, т.е. отношений России с каждой отдельной страной СНГ; во-вторых, из отношений России с регионами, прежде всего среднеазиатским, закавказским и северокавказским; и, в-третьих, из отношений внутри самого СНГ и в его коллективных органах как ранее образовавшихся, так и в создающихся ныне, каким является, например, Межгосударственный экономический комитет (МЭК).

В совокупности образуется сложный комплекс проблем, в котором трудно разобраться, но еще труднее как-то направлять события по более-менее цивилизованному руслу развития. В итоге сложилась такая ситуация, при которой впервые за многие десятилетия у России среди ее ближайших соседей нет ни друзей, ни союзников.

Исходя из этой ситуации, российское руководство избрало несколько, на мой взгляд, приоритетных направлений во взаимоотношениях со странами ближнего зарубежья: 1 - миротворческие операции в "горячих точках"; 2 - защита прав русскоязычного населения; 3 - содействие процессам интеграции на постсоветском пространстве; 4 - координация некоторых внешнеполитических акций стран СНГ на международной арене.

Рассмотрим обозначенные направления поподробнее.

Миротворчество России на территории СНГ - это во многом вынужденная политика. (Так что если это и "доктрина Монро", как считают некоторые политологи, то поневоле. К тому же она приводится в неблагоприятных условиях и не очень эффективно). За последние годы "горячих точек" в СНГ стало так много, и они уже настолько обширны, что составляют чуть ли не сплошную дугу нестабильности по продолжительному отрезку периметра южных границ страны, непосредственно угрожающую безопасности самой России, другим ее интересам (например, экономическим), а также интересам ее граждан, проживающим на этой территории и вне ее¹⁰³.

Эти и некоторые другие обстоятельства (стремление ряда стран дальнего зарубежья использовать в своих целях кризисную ситуацию в СНГ; наркобизнес, торговля оружием и т.д.) действительно вынуждают Россию вникать и так или иначе участвовать в процессах, происходящих в Закавказье, на Северном Кавказе, в Средней Азии и в других регионах СНГ. Что бы там не говорили, постсоветское пространство - это сфера жизненных интересов России. В той же степени, в какой оно является сферой жизненных интересов любой другой страны, расположенной на этом пространстве.

К участию России в делах СНГ в мире относятся по-разному. Не только в дальнем, но и в ближнем зарубежье. Обобщая, можно сказать, что и там и там отношение больше негативное, чем позитивное. Свидетельств тому более чем достаточно. Приведем лишь некоторые из них.

Не имели, например, успеха неоднократные обращения России к ООН и СБСЕ приравнять ее миротворческие акции к акциям этих организаций¹⁰⁴.

Римская встреча министров иностранных дел 53 стран-участниц СБСЕ, состоявшаяся в начале декабря 1993 г., достаточно решительно отказалась предоставить российским войскам в "горячих точках" бывшего СССР статус миротворческих сил СБСЕ. Рассмотрение вопроса было отложено. Против выступили не только Канада и Норвегия, но даже Украина. В результате Россия практически в одиночку, если не считать ооновских наблюдателей, несет бремя реального миротворчества в конфликтах по периметру своих границ. Ситуация, может быть, несколько изменится после посещения в конце октября - начале ноября с.г. Генерального секретаря ООН Бутроса Гали Азербайджана, Армении и Грузии.

Говоря о "горячих точках" на территории СНГ, следует уделить отдельное внимание Таджикистану и положению на таджикско-афганской границе. На мой взгляд, из всех "горячих точек" это наиболее и опасная для России и всего СНГ.

Прежде всего потому, что это основной плацдарм для проникновения в СНГ исламского фундаментализма.

За последние два-три года таджикская проблема завязалась в тугой региональный узел. Его распутывание - это чрезвычайно сложное дело, предполагающее, во-первых, внутритаджикское урегулирование, во-вторых, решение афгано-таджикской проблемы и, наконец, в-третьих, прекращение вмешательства во внутритаджикские дела внешнего исламского мира, прежде всего тех арабских государств, которые являются вдохновителями и спонсорами исламского фундаментализма.

Каждый из трех перечисленных аспектов трудноразрешим, а все вместе они образуют такой тугой и запутанный узел, который легко и скоро развязать никому не удастся. Даже после выборов первого президента Таджикистана, убедительно продемонстрировавших, на мой взгляд, что страна и далее будет расколота на два противостоящих друг другу лагеря.

Несмотря на трудности и большие финансовые и материальные затраты, России уходить из среднеазиатского региона и из Таджикистана в частности нельзя. Хотя бы по той причине, что у нее нет более северных обустроенных по международным требованиям границ. Но есть и другие причины: солидарность с многонациональным народом этой страны и обеспечение безопасности и законных прав 200-тысячной русской общины, заслон распространению регионально-кланового и исламского экстремизма в Средней Азии; обеспечение безопасности в Западной и Южной Азии. Именно на эти причины указывал Козырев в статье "Что хочет Россия в Таджикистане"¹⁰⁵.

Но не только в этой стране, а повсюду в ближнем зарубежье ситуация усложняется тем, что большое количество русскоязычного населения оказалось аутсайдерами на своей некогда большой Родине. И хотя МИД России разработал обширную программу защиты интересов и поддержки свыше 30 млн. этнических россиян за пределами РФ, нацеленную главным образом на создание института двойного гражданства, положение продолжает

ухудшаться. В итоге быстро растет эмиграция русскоязычных в Россию и страны дальнего зарубежья, права нетитульных этносов все больше ущемляются.

В сложившейся ситуации скорая интеграция стран СНГ в новое более консолидированное межгосударственное образование, будь то федерация славянских государств или евразийская конфедерация представляется весьма проблематичной. При отсутствии ясной политической воли в явно заторможенном виде происходит и воссоздание единого экономического пространства, общего рынка товаров, капиталов, услуг и рабочей силы, хотя очевидность всего этого и неоспорима.

Не клеится дело и с единой внешнеполитической стратегией стран СНГ. Внешняя политика государств-членов Содружества становится все более самостоятельной и активно строится на различных с Россией направлениях. Более того учащаются случаи противостояния и противоборства с Россией. Наглядный пример - история с каспийской нефтью. Другой пример - решительный демарш Украины на 48-й сессии ГА ООН против признания СНГ объектом международного права и региональной организацией, которая могла бы проводить миротворческие акции, за что выступала Россия. Но несмотря на особую позицию Украины, СНГ все же получило статус наблюдателя ООН.

Процессы, происходящие сегодня в СНГ, говорят о том, что возрождение Союза ССР или другого подобного формирования с абсолютной властью центра нереально. Речь, на мой взгляд, может идти лишь о создании конфедерации евразийских государств. Интеграционные экономические и иные процессы, протекающие снизу, пора подкрепить политическими шагами сверху.

Обобщая, следует признать, что дела в СНГ идут все хуже. Практически во всех его составных частях. И так, очевидно, будет до тех пор пока участники СНГ не проявят политическую волю и не придут к согласию о типе того межгосударственного устройства, который более всего соответствует их особенностям и историческим традициям.

Пока же процессы дезинтеграции зашли так далеко, что впору задуматься, что делать дальше: либо договориться о типе нового межгосударственного устройства (что, на мой взгляд, предпочтительнее), либо цивилизованно расходиться и обустроить новые государственные границы. Вот только не ясно, где они должны проходить и где взять средства на их обустройство.

Новые взаимоотношения МИДа с парламентом России.

1994 год войдет в историю российской дипломатии и как год новых, более конструктивных взаимоотношений МИДа с парламентом страны - Федеральным собранием. Если до октября 1993 г. эти отношения строились главным образом по принципу конфронтации и противоборства, то теперь (особенно в последние месяцы) преобладающими в общем являются отношения конструктивного взаимодействия.

Объясняется это, на мой взгляд, несколькими обстоятельствами. Прежде всего тем, что, в отличие от Верховного Совета и его руководства ни Госдума, ни Совет Федерации не занимаются оппозиционным концептиетворчеством, которое в свое время было притчей во языцех в противоборстве с МИДом. Справедливости ради надо отметить, что и объективная необходимость в этом отпала. Во-первых, потому, что появилось Послание президента Федеральному Собранию. И, во-вторых, потому, что почти все партии и блоки, представленные в Думе, имеют в своих предвыборных программах внешнеполитические разделы и пытаются выработать на их основе какую-то общую концепцию всего парламента просто-напросто абсурдно. Тем более, что разделы эти очень разнятся.

Следующее обстоятельство, помогающее парламенту и МИДу не конфликтовать открыто, состоит в достаточно корректном по отношению друг к другу поведении их руководителей.

Учитывая итоги декабрьских (1993г.) выборов, расклад сил в Думе и стремясь построить взаимоотношения с ней по-иному, чем они строились с Верховным Советом, А.Козырев еще в начале февраля с.г. опубликовал в "Российской газете" (02.02.1994г) статью с почти лозунговым заголовком "Не партийные, а национальные интересы должны объединить дипломатов с парламентариями". В ней он сформулировал внешнеполитическую повестку дня нового парламента из семи пунктов. Среди них: ратификация около 60 договоров, не рассмотренных Верховным Советом; принятие законов, обеспечивающих эффективную работу внешнеполитического механизма и внешнеэкономических связей и другие.

Отмечая новый характер отношений МИДа и парламента как достижение, следует, тем не менее, указать и на то, что и Госдума и Совет Федерации занимались главным образом внутренними делами страны, обращая на внешнюю политику в общем небольшое внимание. Особенно если не брать в расчет зарубежные визиты и переговоры лидеров палат В.Шумейко и И.Рыбкина, которые в последние месяцы проявляют в этой сфере повышенную активность. Оправдано ли это? Думаю, что в нынешней ситуации в целом оправдано. В конце концов и парламенту в целом и отдельным депутатам в иной, более стабильной внутренней ситуации, придется всерьез заняться и внешнеполитическими делами России. И тогда мы сможем судить, в какой степени они будут способны жертвовать узкопартийными интересами ради общегосударственных и общенациональных и каков их уровень профессионализма во внешней политике и дипломатии.

Некоторые итоги 1994 года и перспективы внешней политики России.

Несмотря на то, что в 1994 году российская внешняя политика все еще была на перепутье, на некоторых направлениях ей удалось достичь кое-каких успехов. Прежде всего на западноевропейском и ближневосточном.

Позитивным итогом года является, например, то, что более заметным стал восточный вектор политики, из которого можно вычленить как самостоятельный ближневосточный регион. Несколько больше внимания, чем в предыдущие два года, Россия стала уделять и другим аспектам международных отношений.

Все это в совокупности означает фактический отказ от одностороннего и узконаправленного "атлантизма", характерного для периода осени 1991 года - конца 1992 года. Это, во-первых. Во-вторых, Россия все громче заявляет о своих национально-государственных интересах и, что еще важнее все настойчивее их отстаивает.

Вот, пожалуй, и весь позитив. Как водится, он сопровождался негативом. Его было явно больше, чем хотелось бы.

Главное то, что не удалось решить проблему взаимоотношений с ближним зарубежьем. Более того, она даже осложнилась. "Южная дуга нестабильности" продолжает оставаться крайне беспокойной и становится опасной для самой России. Конфликты то и дело происходят на ее границах и имеют тенденцию переходить через нее.

МИД РФ, которому поневоле выпало таскать каштаны из огня и заниматься в общем непривычным для себя делом, - налаживанием взаимоотношений перессорившихся бывших братьев, - никак не может утрясти дело, поскольку ключи от решения этой проблемы лежат не у него в кармане, а у президентов и парламентов стран СНГ. В этой ситуации МИДу и его посольствам в ближнем зарубежье ничего не остается кроме как действовать в режиме пожарной команды и помогать тушить костры в "горячих точках", ожидая пока проблему СНГ не решат на высшем уровне. Будет это не так скоро. А хотелось бы наоборот. Потому что именно в ближнем зарубежье России сейчас более чем где-либо нужны союзники и партнеры.

К негативным итогам года следует отнести и то, что руководство России так и не определилось окончательно насчет внешнеполитических приоритетов страны. По-прежнему идет борьба между американским и западноевропейским и другими направлениями, в частности, восточным.

На мой взгляд, эта борьба не имеет большого смысла. Ибо важны *все* направления, которые помогают реализовать главную цель российского государства и общества: экономическое возрождение и дальнейшее развитие на принципиально новой основе - основе многосекторной рыночной экономики. Иными словами, на нынешнем этапе именно внешнеэкономическая деятельность должна стать приоритетной для российской дипломатии. С учетом этого все направления важны, которые дадут максимум эффекта.

Такая постановка вопроса прямо связана с жизненной необходимостью радикально улучшить внутриэкономическую ситуацию в России. Без прочной экономической базы

внешняя политика страны будет малорезультативной, как бы искусной и активной ни была дипломатия.

Быстрое решение проблемы экономического возрождения и развития России представляется мне нереальным. Пройдет немало лет прежде чем наше государство заявит о себе как экономический (а не только военный) гигант в современном понимании этого слова.

Негативное воздействие на внешнюю политику России в 1994г. оказывало и то обстоятельство, что основные политические силы не определялись по поводу новой национальной и государственной идеи. Споры между ними осложняются, во-первых, их диаметрально противоположными взглядами на интересы страны и пути ее дальнейшего развития, а, во-вторых, тем, что основная политическая сила еще не выявилась. Процесс этот также потребует достаточно много лет.

Минусом было также то, что России пока не удалось наладить равноправные отношения с западным миром. Влиятельные силы этого мира все еще смотрят на нашу страну либо как на свой сырьевой придаток, либо как на больного человека Евразии, либо (это в лучшем случае) как на младшего партнера или недоросля.

Изменить такую позицию можно лишь по мере экономического и политического выздоровления России.

В перспективе у российского МИДа немало и других проблем. Особняком среди них стоит проблема реформирования ООН и подготовка к 50-летию юбилею этой организации.

За 50 лет ее существования в мире так много изменилось, что основательное реформирование ООН стало неотложной задачей. При обсуждении этого вопроса речь, как правило, идет об увеличении числа постоянных членов СБ ГА и включения в него Германии и Японии. Некоторые политики считают также, что было бы справедливо, если бы в это число вошла и Индия.

Судя по всему, придется усиливать также миротворческие функции ООН и все, что с этой ролью связано.

Однако едва ли удастся осуществить идею А.Козырева о превращении этой организации в мощный центр "координации международного сотрудничества в научно-технической сфере, стимулятором столь необходимой структурной перестройки мировой экономики, освобождающейся от бремени милитаризма"¹⁰⁶ . Такие задачи не были свойственны ООН в прошлом и едва ли будут присущи ей в будущем.

* * *

Заканчивая обзор внешнеполитической деятельности России в 1994 г., отмечу, что хотя некоторые проблемы удалось решить, впереди - серьезнейшие и труднейшие задачи. Нашему государству придется решать их, скорее всего в одиночку, что не может не

тревожить. Ибо сейчас не конец XVIII века, когда небезызвестная Екатерина Дашкова говорила: "Великая империя, ... имеющая столь неиссякаемые источники богатства и могущества, как Россия, не нуждается в сближении с кем бы то ни было. Столь грозная масса, как Россия, правильно управляемая, притягивает к себе кого хочет"¹⁰⁷.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Как и всякое общественное явление, внешняя политика России и любой другой страны - это живой организм, постоянно изменяющийся и развивающийся. Особенно частые перемены происходят в такие бурные времена, как нынешнее.

В эти периоды истории трудно уследить за потоком событий, но еще труднее увидеть за ним тенденции и закономерности.

Выявление их позволяет с определенной степенью достоверности и объективности систематизировать и прогнозировать развитие общественных явлений. Именно в этом состоит высший смысл теоретических обобщений и выводов. И если эта книга внесет хотя бы маленькую толику в понимание современной внешней политики России, ее проблем и перспектив, то можно будет сказать, что та цель, которую ставил перед собой ее автор, достигнута.

---

¹ Исключением являются лишь, пожалуй, некоторые разделы 2-й части книги проф. Э.А. Позднякова "Философия политики", изданной в 1994 г. в Москве. Речь идет, в частности, о следующих разделах: "Внешний аспект национального интереса" (стр.78-89); "Внутренняя и внешняя политика: соотношение" (стр.103-113). В IX-й и X-й главах этой книги- соответственно "Мировая политика" и "Геополитика - стр. 174-284 - речь идет главным образом об общей теории международных отношений. Применительно к России эта тема развита Э.А.Поздняковым в статье "Россия - великая держава". Журнал "Международная жизнь", январь 1993 г., с.7.

По существу также дело обстоит в учебнике "Основы науки о политике" (часть II), изданном МКУ в 1993 г. Его авторы Ю.К.Краснов, И.М.Кривогуз и В.П.Неминуций посвятили внешней политике специальную 13 главу. Речь в ней идет о теории политического реализма американского ученого Г.Моргентау (стр.127-131), о концепциях внешней политики, основанных на социологических

и кибернетических подходах, в частности концепции профессора политических наук Вашингтонского университета Джорджа Модельского, "предтеории" внешней политики профессора политических наук университета штата Огайо Дж.Розенау и кибернетической теории американского политолога К.Дойча (стр.131-134).

Несколько по-иному, но тоже в общеглобальном масштабе и общетеоретическом смысле теория международных отношений представлена в учебном пособии "Политология на российском фоне", изданном Российской академией управления в 1993 г. (См. стр. 373-400), а также в статье К.В.Плешакова "Геополитика в свете глобальных проблем", "Международная жизнь", №10, 1994, с.30-39.

Несомненный интерес представляет также работа доктора исторических наук В.В.Разуваева "Геополитика постсоветского пространства". М. 1993 г., а также работа "Россия: опыт национально-государственной идеологии" В.В.Ильин, А.С.Панарин, А.В.Рябов, под ред. В.В.Ильина - М. Изд-во МГУ, 1994 г. (особый интерес представляет IV раздел этой книги - Атлантизм и евроизм: два сценария для России).

² Для примера сошлюсь на следующие работы: доктор Х.Тиммерман, сотрудник Федерального института восточных и международных исследований (Кельн, ФРГ). Внешняя политика России: поиски новой идентичности. Журнал "Мировая экономика и международные отношения", № 2, 1994, с.16-20; Дж.Роупер, директор Института исследования проблем безопасности при Западноевропейском союзе (Париж), Д-р П.Ван Хам - научный сотрудник того же института. Западная политика России. Журнал "Мировая экономика и международные отношения", №11, 1994, с.81-91. Геррит Оливье, Чрезвычайный и Полномочный посол ЮАР в России, профессор политических наук. "Новая политика национальной безопасности и национальный интерес России". Журнал "Международная жизнь", №10, 1994, с.110-113.

³ Из работ этого ряда выделяется прежде всего статья доктора исторических наук Н.А.Нарочницкой "Внешняя политика России. Альтернативная концепция", опубликованная в №№ 4 и 5 журнала "Кентавр" за 1993 г. (№4: с.29-36; №5: с.16-30), и "Россия - это не Восток и не Запад. Она нужна миру именно как Россия и должна остаться ею", опубликованная в журнале "Международная жизнь", №8, 1993г., с.140-146; и №9, 1993, с.45-52, а также статья доктора политических наук В.В. Разуваева "Национальная идентичность и внешняя политика России", также опубликованная в журнале "Кентавр" (№ 5, 1993 г., с. 3-15). Несомненный интерес представляет и издание Института мировой экономики и международных отношений РАН "Год планеты: Экономика. Политика. Бизнес. Культура. Из жизни звезд". В этом сборнике за 1993 г. было опубликовано несколько небольших статей по внешнеполитической тематике. Наиболее важная из них - "Внешняя политика России: основные направления" написана заместителем министра иностранных дел РФ С. Лавровым с.33-38).

Оригинальным исследованием является статья доктора исторических наук Н.П.Попов "Внешняя политика России (Анализ политиков и экспертов)". Журнал "Мировая экономика и международные отношения", №3, 1994, с.52-59 и №4, 1994, с.5-15.

Обобщающий характер имеет также статья доктора исторических наук С.Рогова "Итог печален, но выход из тупика есть", посвященная анализу внешней политики России за три года ее суверенного существования: декабрь 1991г. - декабрь 1994г. См. "Независимая газета". 31.12.94г.

⁴ См.: Итоги сессии Совета взаимодействия. "Правда", 14 июня 1991г.

⁵ Там же.

⁶ "Правда", 14 июня 1991г.

⁷ "Известия", 16 января 1991г.

⁸ Подробнее по этому вопросу см. статью "Стало ли легче бремя. Ежегодник СИПРИ о военных расходах в мире". "Известия", 28 мая 1991г., а также: Ю.Алексеев. Мировая торговля оружием и Россия. Журнал "Мировая экономика и международные отношения", №4, 1994, с.16-22; Г.Горностаев. Западный рынок вооружений Россия. Журнал "Мировая экономика и международные отношения", №6, 1994, с.21-33.

⁹ См. "Московские новости", 29.09.1991 г.

¹⁰ Цит. по статье профессора В.И.Дашичева "Порочный круг имперских амбиций", опубликованной в газете "Известия", 10 марта 1993 г.

¹¹ "Комсомольская правда", 22 января 1992 г.

¹² См.: Когда мы ушли от мессианства...Беседа с министром иностранных дел А.Козыревым о сути современной российской дипломатии. "Российская газета", 21 января 1992 г.

¹³ "Российская газета", 21 января 1992 г.

¹⁴ См., например, статью А.Васильева, в газете "Комсомольская правда", опубликованную 22 января 1992 г. под названием "Не жаль империи, обидно за державу. О внутреннем достоинстве во внешней политике".

¹⁵ Более подробно о новом миропорядке см. К.Брутенц. Мир глазами экс-лидеров. Журнал "Свободная мысль". № 10, 1993. с. 17-25; Н.Загладин, М.Мунтян. Некоторые аспекты нового геостратегического положения России. Журнал "Мировая экономика и международные отношения". №7, 1993, с.5-19; К.Гаджиев. От биполярной к новой конфигурации геополитических сил. Журнал "Мировая экономика и международные отношения", №7, 1993, с.62-76; Н.Косолапов. Внешняя политика России: проблемы становления и политико формирующие факторы. Журнал "Мировая экономика и международные отношения", №2, 1993, с.5-19.

¹⁶ См., например, статью Н.Коликова "Россия в контексте глобальных перемен". Журнал "Свободная мысль" N 2-3, 1994г.

¹⁷ См., например, статью профессора университета Бритиш Коламбия Рафа Эйли "Является ли Россия великой державой". "Правда", 23.11.1994г.

¹⁸ Этому непростому вопросу был посвящен ряд статей в наших научных журналах. Например, следующие: С.Чугров. Идеологемы и внешнеполитическое сознание. Журнал "Мировая экономика и международные отношения", №2, 1993, с.38-42; К.Гаджиев. Идеология и внешняя политика (на примере советско-американских отношений). Журнал "Мировая экономика и международные отношения". №1. 1991. с.60-72; А.Алтунян. Право и сила: становление принципов российской внешней политики. Журнал "Мировая экономика и международные отношения". №3, 1993. с.54-65.

¹⁹ Формула "самодержавие, православие, народность" принадлежит графу С.С.Уварову, являвшегося с 1818 г. президентом Петербургской академии наук, а с 1833 по 1849гг. - министром народного просвещения. Изначальной и главной составляющей этой формулы было понятие "самодержавие", объявлявшееся основным устоем русской жизни, способным обеспечить мощь и величие России.

Основой духовного самосознания русского народа объявлялось православие. В понятие "народность" вкладывалось отсутствие социальных противоречий в обществе, всеобщее единение народа с царем и властью, патриархальность русского общества, послушание и приверженность основным устоям государства.

В отечественной исследовательской литературе существует и другая точка зрения на основы российской государственности и внешней политики страны. "На протяжении всей истории, - считает, например, А.Г.Арбатов, - (кроме фаз разлома в начале ХУП в. и в 1917-20 гг.) Российская и затем советская держава стояла на четырех главных и не отделимых друг от друга опорах. Первая из них - централизованная, управляемая государством экономика, призванная прежде всего обеспечить колоссальную военную мощь. Вторая - строго иерархическая авторитарная или тоталитарная политическая система и мессианская идеология, призванная управлять такой экономикой и опиравшаяся на огромную военную силу. И третья - строительство империи, бесконечная территориальная и политическая экспансия, ограниченная лишь географией и сопротивлением других народов" ("Мировая экономика и международные отношения", №7, 1994, с. 5-6).

Четвертой опорой, по мнению А.Арбатова, служила постоянная конфронтация с внешним миром, являвшаяся "принципиальным оправданием режима и всех его особенностей (Там же, с.6).

²⁰ См. Конституция общенародного государства. М. 1978, с.197-198.

²¹ См. там же, с.197-198.

²² См. Программа КПСС, Издательство "Правда", 1961, с. 31,34

²³ Там же, с.35.

²⁴ Я. Накасонэ и др. "После "холодной войны". М. "Прогресс", 1993

²⁵ См. Материалы "круглого стола" Национальная идея и идеал наций. "Российская газета" 24.08.94г.

²⁶ См. Там же., а также "Национальная доктрина России (проблемы и и приоритеты). Агентство "Обозреватель". М, 1994, с. 220-221

²⁷ "Правда", 10.12.93г.

²⁸ "Независимая газета", 15.11.1994 г.

²⁹ Журнал "Международная жизнь", №1, 1993, с.18.

³⁰ Э.Поздняков.Мы сами разорили свой дом, сами должны и поднять его. Журнал "Международная жизнь", № 3-4, 1992 г., с.149

³¹ См, например, интервью доктора экономических наук, профессора, руководителя группы экспертов Президента РФ А.Я.Лившица газете "Правда", - 04.06.94г., в которой говорится следующее: "... маятник политической жизни в России медленно, но движется влево, в сторону социал-демократии. Это процесс известный, он просматривается во многих странах бывшего социалистического содружества. Процесс нормальный. Но боюсь, не рановато ли он у нас начался? Нам еще не хватает нормальной социал-демократии, той, которая сумела бы продолжить реформы, если ей избиратель отдаст свой голос".

Сторонником идеи о социал-демократической перспективе России является также директор Института политики В.Миронов. Отмечая, что в последние годы "возник целый спектр партий и групп, причисляющих себя к социал-демократии, - СДПР, РСДЦ, НПСР, СПТ и т.д.", представляющих собой "неклассическую социал- демократию, весьма отличную от своих западных собратьев", В.Миронов обращает также внимание на то, что "сама "социочеловеческая природа России " социал-демократична". В пользу этого говорят и широкие социал-реформистские и социал-этактистские настроения значительной части, если не большинства россиян. (см. В.Миронов. Вернуться к знаменам. "Независимая газета".10.06.94.).

В середине сентября 1994 г. средства массовой информации сообщили о том, что началась реорганизация социал-демократической партии, председателем которой является А.Голов.

Сообщалось, что в эту партию готовы вступить такие известные политики как Г.Попов, А.Вольский со своими сторонниками, маршал Е.Шапошников, В.Бакатин, Г.Хижа, предприниматель И.Кивелиде, А.Собчак, С.Алексеев и др. Сообщалось также, что устав для партии пишет А.Н.Яковлев (см. "Известия",17.09.94г.), который открыто заявляет о своих симпатиях к социал-демократическому направлению. "Думаю, - говорил А.Яковлев в одном из своих интервью, - наступила пора попробовать объединить людей социал-демократической ориентации... Может, эта идея романтическая, но повторяю, общественное сознание к этому готово" (См. "Независимая газета, 10.08.94г.). Об объединительных процессах в российской социал-демократии говорится также в статье А.Исаева - секретаря РСДС "С кем и когда" ("Независимая газета", 08,12.94).

Наряду с образованием этой, как ее окрестили "кремлевской" или верхушечной социал-демократии, происходит формирование и "низовой". 28-30 октября 1994 г. в Москве ряд социал-демократических групп этого направления объединились в Российский социал-демократический союз.

О приверженности социал-демократическому направлению уже неоднократно говорил председатель Государственной думы И.П.Рыбкин (см., например, "Известия", 03.08.94г.), В.Липицкий и многие другие.

Весьма симптоматичным и показательным является также мнение известного историка Д.Волкогонова. Явно отдавая предпочтение либерально-демократической перспективе России, он, тем не менее, вынужден признать, что "в исторический переходный период большие шансы будет иметь партия, которая возьмет на вооружение социальные идеи традиционной социал-демократии". Делая такое заключение, Д.Волкогонов исходит из того, что огромному количеству наших соотечественников "непросто быстро отрешиться от старых стереотипов мышления" и призывает "Выбор России" полнее выразить интересы этих людей (Д.Волкогонов. Будущее России - без коммунизма, фашизма, национализма. "Известия". 15.06.94).

Какие же идеи отстаивают новые российские социал-демократы"? В обобщенном виде их выразил Евгений Шапошников в статье "Россия переживает процесс крушения идей и идееносителей" ("Независимая газета", 28.07.1994 г.) Признание свободы, справедливости, солидарности путем их стабильного и сбалансированного реформирования, постоянного совершенствования, отрицание и мировоззренческого единообразия - эти и другие черты современной социал-демократии приводятся автором как адекватный и привлекательный образец для многонациональной России.

Хотя голоса сторонников социал-демократического будущего России явно преобладают, среди исследователей есть и такие, кто весьма критически и без оптимизма относится к такой перспективе. (См., например, В.Белоцерковский "Социал-демократия в антисоциал-демократической стране". "Независимая газета", 10.11.1994 г.).

³² См. "Итоги конкурса "Гермеса". "Правда", 08.06.94г. Итоги двухгодичного конкурса работ по проблемам социально-экономического и духовного возрождения России были подведены аналитической службой "Гермеса". На конкурс поступило около 4 тысяч работ.

³³ См. "Независимая газета". 24.05.94 г. и НГ, 14.07.94г.

³⁴ См., например, В.Жаринов, Т.Пельше "Письмо всем бывшим участникам движения "Демократическая Россия". "Независимая газета". 27.05.94.

³⁵ См. "Независимая газета", 12.07.94г. Подробный отчет об этой конференции был опубликован в №№ 11 и 12 за 1994 г. журнала "Свободная мысль"

³⁶ См., например. Наше Отечество. Опыт политической истории. Часть 1, М. 1987, с.315-317; А.Рамбо. Живописная история древней и новой России. М. 1994, с.3-10; "Почему мы такие, какие мы есть?", "Известия", 16.10.1993.

Об отличительных особенностях России и их влияния на исторические судьбы страны убедительно пишет также Э.А.Поздняков. См., например, его статью "Россия - великая держава". Журнал "Международная жизнь", январь 1993г., с.7-17.

Особого внимания заслуживают работы на эту тему русского философа, политолога, правоведа И.А.Ильина. В качестве примера см. материал, опубликованный 30.12.94г. в "Независимой газете".

³⁷ Например, И.Ильин, указывая как на упоминавшиеся мною, так и на другие особенности России (суровый климат; равнинность, открытую со всех концов; навязывающиеся отовсюду территориальные глыбы; сотни чужих народов и диких народцев; отсутствие культурного наследия; всесметающие трехсотлетние погромы татар; бесконечные оборонительные войны и т.д.), делает интересные выводы о том, что при построении государства мудрый политик должен исходить и следующих условий:

1. *Территория*, ее размеры (чем больше эти размеры, тем необходимее сильная власть).
2. *Плотность населения* (чем больше она, тем легче организация страны).
3. *Державные задачи страны* (чем грандиознее они, тем меньшему числу граждан они понятны и доступны, тем выше должен быть уровень правосознания).
4. *Хозяйственные задачи страны* (с примитивным хозяйством маленькой страны может легко управиться и корпоративный строй).
5. *Религиозная принадлежность народа* (однородная религиозность масс облегчает управление).
6. *Национальный состав страны* (чем он однороднее, тем легче народу самоуправляться).
7. *Социальный состав страны* (чем он первобытнее и проще, тем легче дается народу солидарность, тем проще управление).
8. *Культурный уровень народа* (чем он ниже, тем необходимее начало учреждения).
9. *Уклад народного характера* (чем устойчивее личный характер у народа, тем легче осуществить корпоративный строй; народ, индивидуализированный не духовно, а только биологически, и при том бесхарактерный, может управляться только властной опекой). (См. "Независимую газету". 30.12.94г.). Хотя выводы И.Ильина прямо относятся к внутренней политике, на внешнеполитическую деятельность они также могут быть проецированы.

³⁸ См. Российская газета, 31 января 1992 г.

Об итогах заседания на высшем уровне СБ ООН Б.Ельцин рассказал на совместном заседании палат Верховного Совета России 13 февраля 1992 г. См. Российская газета, 14 февраля 1992. Предложения Б.Ельцина, содержащиеся в послании Генеральному секретарю ООН, были двумя неделями позже разъяснены и дополнены А.Козыревым в Женеве на Конференции по разоружению и в Комиссии ООН по правам человека. См. Подробнее по этому вопросу "Россия предлагает отделить ядерные боеголовки от ракет", "Известия", 13 февраля 1992 г.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Готовы к продолжению партнерства. Выступление Б.Н.Ельцина на заседании Совета Безопасности. "Российская газета", 3 февраля 1992 г. См. также "Прорубая окно в безъядерный мир" и "Создать глобальную защиту мирового сообщества", "Российская газета", 1 февраля 1992 г.

⁴¹ "Российская газета", 3 февраля 1992 г.

⁴² Наряду с Хасбулатовым Р.И. на этой конференции выступили также Козырев А.В., Лукин В.П. - председатель комитета ВС РФ по международным делам, Примаков Е.М. - генеральный директор внешней разведки России, Кунадзе Г.Ф. - заместитель министра иностранных дел РФ и др. Материалы конференции были опубликованы в журнале "Международная жизнь", №№ 3-4, 1992 г.

⁴³ См. "О внешней политике и дипломатии России". Выступление Р.И.Хасбулатова на научно-практической конференции "Преображенная Россия в новом мире". Журнал "Международная жизнь", № 3-4, 1992, с. 87-91

⁴⁴ См. Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Так было, пожалуй, до декабря 1992 г., когда состоялся визит Б.Ельцина в Китай и когда он заявил, что Россия поворачивается лицом к Востоку.

⁵⁰ См., например, статью "Россия и мусульманский мир - партнеры или противники?", написанную заместителем директора Института Африки РАН, профессором А.Васильевым. "Известия", 10 марта 1992 г.

⁵¹ В конце 1992 г. состоялись два заседания Совета по внешней политике МИДа, на которых обсуждался документ по концепции внешней политики России. (Сокращенная стенограмма обсуждения этого документа была опубликована в февральском номере журнала "Международная жизнь" за 1993 г., с.5-22.

⁵² См. статью В.Чернова "Национальные интересы России и угрозы для ее безопасности", "Независимая газета", 29 апреля 1993 г.

⁵³ "Независимая газета", 19 апреля 1993г.

⁵⁴ "Независимая газета", 29 апреля 1993 г.

⁵⁵ См. "Российская газета", 25.02.1994г. Более подробно о внешнеполитической части Послания Президента РФ Федеральному собранию от 24 февраля 1994 г. см. в II-й части данной книги в разделе "Новые черты внешней политики России после 12 декабря 1993г."

⁵⁶ "Российская газета", 28.09.1994 г.

⁵⁷ "Независимая газета", 28.07.1994г.

⁵⁸ См. "Российская газета", 08.12.1993 г.

⁵⁹ "Российская газета", 03.12.1993г.

⁶⁰ "Российская Газета", 03.12.1993г.

⁶¹ "Известия", 16.12.1993г.

⁶² "Независимая газета", 23.11.93г.

⁶³ Начало первого периода можно датировать и 12 июнем 1990г., когда Верховный Совет РСФСР, возглавляемый с мая того же года Б.Ельциным провозгласил государственный суверенитет этой республики. Но активная борьба за подлинную независимость началась, на мой взгляд, лишь осенью 1990г.

⁶⁴ В статье "Итог печален, но выход из тупика есть" ("Независимая газета", 31.12.94г.) С.Рогов выделяет не пять, а три этапа современной российской внешней политики: 1 - декабрь 1991 г. - осень 1992 г.; 2- осень 1992г.-12 декабря 1993 г.; 3 - с 12 декабря 1993г... Каждому этапу дается краткая характеристика, существенно отличающаяся от той, которая дается мною. Не ставя в целом правомерность выводов С.Рогова, замечу все же, что во внешней политике нынешней России были и подготовительные или предваряющие этапы, о которых было сказано в данной главе: 1-й осень 1990г. - август 1991г. и 2-й - август 1991г. - декабрь того же года. Это был пролог, во время которого сформировалась прозападная, или точнее говоря, проамериканская ориентация российской внешней политики. По сути она имела либерально-демократическую окраску и вполне согласовывалась с подобной внутренней политикой правительства Е.Гайдара.

⁶⁵ Московские новости, № 6, 10 февраля 1991 г.

⁶⁶ "Известия", 27.09.1991г.

⁶⁷ "Московские новости", 29 сентября 1991 г.

⁶⁸ "Известия", 25.10.1991 г.

⁶⁹ "Известия", 02.01.1992 г.

⁷⁰ см. Megapolis Express, 7.10.1992. См. также статью А.Козырева "Стратегия партнерства", опубликованную в журнале "Международная жизнь", №5, 1994г., с.5-15.

⁷¹ АиФ № 23, 1993 г.

⁷² "Российская газета", 23.10.1992. О задачах и направлениях деятельности внешней политики России в 1993г. А.Козырев говорил и в интервью журналу "Международная жизнь", январь 1993г., с.2-3.

⁷³ "Российская газета" 06.03.1992 г.

⁷⁴ См. НГ, 17.12.1993г.

⁷⁵ В бытность СССР и РСФСР внешняя политика вырабатывалась и осуществлялась КПСС и Правительством Советского Союза, что было законодательно закреплено соответствующими статьями конституции. Например, ст.6 1-й главы, ст. 121, пп. 6, 12 и 13, ст. 131, п. 6 главы 16 Конституции СССР 1977 г. Глава 4 определяла цели и принципы отношений с другими странами.

⁷⁶ См. Российская газета, 25 февраля 1994 г.

⁷⁷Проблеме взаимоотношений России и Западной Европы в нашей научной литературе уделяется постоянное внимание. См., например, Н.Косолапов. Новая Россия и стратегия Запада. Журнал "Мировая экономика и международные отношения". №№1,2,3 . 1994г. Немалое внимание этому вопросу уделено также в iii разделе работы "Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты)...с.225-241

⁷⁸ "Независимая газета", 17.11.1994 г.

⁷⁹ "Независимая газета", 02.03.1994 г.

⁸⁰ "Правда", 10.12.1993 г.

⁸¹ "Известия", 11.03.94г.

⁸² Подробнее по этому вопросу см. "Заявление Государственной Думы об односторонних действиях США, подрывающих режим эмбарго на поставку оружия в Боснию", "Российская газета", 16.11.94г.

⁸³ "Независимая газета", 26.10.1994 г. См. также "Пересмотр военной политики США", "Независимая газета", 17.11.1994г.

⁸⁴"Известия", 22.03.94г.

⁸⁵ "Известия", 05.02.1994 г.

⁸⁶ "Независимая газета", 03.11.94 г.

⁸⁷ "Независимая газета", 11.11.1994 г.

⁸⁸ "Известия", 11.12.1993 г.

⁸⁹ НГ, 26.11.1994г.

⁹⁰ См. "Восточная Европа и Россия". Материалы дискуссии на Совете по внешней политике при МИДе РФ. Журнал "Международная жизнь", №1, 1994г., с.15-31, а также: О.Богомолов. Россия и Восточная Европа. Журнал "Международная жизнь", №4, 1994г., с.24-35.

⁹¹ "Независимая газета", 14.10.1994 г.

⁹² "Известия", 11.12.1993 г.

⁹³ "Независимая газета", 24.05.1994 г.

⁹⁴ См. статью К.Н.Брутенца "Россия и Восток". Журнал "Международная жизнь", №12, 1993г. с.37-41.

⁹⁵ "Независимая газета", 26.07.94г.

⁹⁶ Подробнее по этому вопросу см. А.Федоровский. Азиатско-тихоокеанский регион: год больших перемен. Журнал "Мировая экономика и международные отношения". №1, 1994, с.65-70, а также А.Быков. На Восток! "Независимая газета", 13.01.95г.

⁹⁷ "Известия", 9.11.1994 г.; "Правда", 15.12. 1993 г.

⁹⁸ См. В.Гаврилов. "Безопасность в АТР", "Независимая газета", 15.04.1994г.

⁹⁹ "Независимая газета", 26.08.1994 г.

¹⁰⁰ Более подробно по этому вопросу см.: К.Брутенц. Тихоокеанская доктрина Б.Клинтон? Журнал "Мировая экономика и международные отношения", №2, 1994, с.92-102.

¹⁰¹ См. С.Востриков. "Внешнеполитические приоритеты России в Азии". "Независимая газета", 22.03.1994 г.

¹⁰² По этой проблеме опубликовано уже немало исследований. См., например. Национальная доктрина России (Проблемы и приоритеты). Агентство "Обозреватель", М., 1994, раздел 1У, с. 245-328; Интересы России в СНГ, журнал "Международная жизнь", №9, 1994, с.14-15.; Э.А.Поздняков. Россия сегодня и завтра. Журнал "Международная жизнь", февраль 1993г., с.23-33; В.В.Разуваев. Россия и постсоветское геополитическое пространство. Журнал "Международная жизнь", №8, 1993, с.126-134.

¹⁰³ Подробнее по этому вопросу см.: Д.Малышева. Этнические конфликты на юге СНГ и национальная безопасность России. Журнал "Мировая экономика и международные отношения". №3, 1994, с.30-51.

¹⁰⁴ Подробнее по этому вопросу см. статью А.Козырева в НГ, 22.09.1993 г.

¹⁰⁵ "Известия", 04.08.1993г.

¹⁰⁶ Российская газета, 30.10.1993.

---

¹⁰⁷ Дашкова Е.Р. 1773-1810. Л., 1925, с.3.